

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В КИТАЕ И РОССИИ

中俄法学

№ 1 / 2026

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В КИТАЕ И РОССИИ

中俄法学

№ 1 / 2026

Редакционный совет

Блажеев Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор
Синюков Владимир Николаевич	заместитель председателя редакционного совета, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
Канашевский Владимир Александрович	главный редактор, заведующий кафедрой международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
Терентьева Людмила Вячеславовна	заместитель главного редактора, профессор кафедры международного частного права, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
Пан Дунмэй	главный соредактор, заведующий Китайско-российским совместным центром сравнительного правоведения при Хэнаньском университете, почетный ученый «Хуанхэ», доктор юридических наук, профессор
Ван Хайцзюнь	помощник директора Научно-исследовательского института Восточно-китайского университета политики и права, преподаватель, доктор юридических наук
Ван Чжи Хуа	председатель Исследовательского института сравнительного правоведения при Политико-юридическом университете Китая, доктор юридических наук, профессор
Ван Чуньмэй	профессор Юридического института Хэйлунцзянского университета, доктор юридических наук
Грачева Елена Юрьевна	заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
Гун Вин	заместитель директора Юридического института Хэйлунцзянского университета, доктор юридических наук, доцент
Исаев Игорь Андреевич	заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
Лун Чанхай	проректор Маньчжурского института Университета Внутренней Монголии, доктор юридических наук, доцент
Лю Хунянь	профессор Института права Академии общественных наук Китая, доктор юридических наук

Рарог Алексей Иванович	доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Рассолов Илья Михайлович	профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент
Ха Шуцзюй	заместитель директора Юридического института Хэйлунцзянского университета, доктор юридических наук, профессор
Ху Дун	директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор
Цай Цзюнь	директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор
Чжан Цзяньвэнь	начальник Центра по изучению российского права Юго-Западного политического и правового университета (SWUPL), доктор юридических наук, профессор
Ян Чаньюй	начальник Центра по изучению теории права и развития верховенства права Хэйлунцзянского университета, доктор юридических наук, профессор
Янг Кай	декан факультета государственной юридической службы Восточно-китайского университета политических наук и права, доктор юридических наук, профессор права, Шанхай, Китай
Макаров Герман Глебович	ответственный секретарь, эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Содержание

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Сюй Инцзюнь, Чжан Хао

Оптимизация инфраструктуры финансового рынка
в контексте финансового законодательства Китая 6

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Ши Руй-Ке

Типичные различия в применении судами общих условий внутренних
перевозок пассажиров и багажа и соответствующего законодательства 16

НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Юэ Хунджу, Сон Чунъюань

Типологический анализ налоговых положений
в неналоговом законодательстве 24

ДОГОВОРНОЕ ПРАВО

Ду Сяосяо

Анализ различий моделей договорной ответственности в Китае и России
в контексте изменений в российском законодательстве 2025 г.,
касающихся просроченной оплаты по договорам закупки 34

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ

Викторова Н. Н.

Новое Соглашение между Россией и Китаем
о поощрении и взаимной защите инвестиций 2025 г. 39

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Шулаков А. А.

Наука международного частного права в Китае, Латинской Америке
и мусульманских странах (общие положения) 45

КОММЕРЧЕСКИЙ АРБИТРАЖ

Засемкова О. Ф.

Международный коммерческий арбитраж в Китае 50

Contents

FINANCE LAW

Xu Yingjun, Zhang Hao

Optimization of the Financial Market Infrastructure System
in the Context of China's Financial Legislation 6

CIVIL LAW

Shi Rui-Ke

Typical Adjudication Differences on the General Conditions
of Domestic Carriage of Passengers and Baggage and their Application of Law 16

TAX LAW

Yue Hongju, Song Chunyuan

Typological Analysis of Tax Provisions in Non-Tax Legislation 24

CONTRACT LAW

Du Xiaoxiao

An Analysis of Differences in Sino-Russian Contract Liability Models
from the Perspective of Russia's 2025 New Regulations
on Late Payment in Procurement Contracts 34

FOREIGN INVESTMENTS

Viktorova N. N.

New Agreement between Russia and China on the Promotion
and Reciprocal Protection of Investments 2025 39

COMPARATIVE LAW

Shulakov A. A.

The Science of Private International Law in China,
Latin America, and Muslim Countries (General Provisions) 45

COMMERCIAL ARBITRATION

Zasemkova O. F.

International Commercial Arbitration in China 50

Оптимизация инфраструктуры финансового рынка в контексте финансового законодательства Китая Optimization of the Financial Market Infrastructure System in the Context of China's Financial Legislation

Сюй Инцзюнь,
доктор юридических наук, профессор
юридического факультета Хэнаньского университета,
г. Кайфэн, Китай
yixu@henu.edu.cn

Чжан Хао,
научный сотрудник Китайско-российского совместного центра
сравнительного правоведения при Хэнаньском университете,
г. Кайфэн, Китай
zhnu999@163.com

Xu Yingjun,
Doctor of Law, Professor
at the Law School of Henan University,
Kaifeng, China
yixu@henu.edu.cn

Zhang Hao,
Research at Chinese-Russian Center
for Comparative Law at Henan University,
Kaifeng, China
zhnu999@163.com

© Сюй Инцзюнь, Чжан Хао, 2026

DOI: 10.17803/2587-9723.2026.9.1.006-015

Аннотация. Инфраструктура финансового рынка Китая включает шесть типов систем: системы регистрации и хранения финансовых активов, клиринговые и расчетные системы, торговые площадки, хранилища отчетов о транзакциях, ключевые платежные системы и базовые кредитные системы, которые имеют большое значение для обеспечения стабильного функционирования финансовой системы. Однако соответствующее законодательство разрозненно, содержится в ряде отдельных законов и административных регламентов, характеризуется фрагментарностью и недостаточным уровнем нормативной базы. Кроме того, недостаточно ясен правовой статус инфраструктуры финансового рынка, ограничена эффективность саморегулирования и отсутствует системная модель регулирования. В связи с этим желательно, чтобы закон о финансах унифицировал базовую систему инфраструктуры финансового рынка, прояснил ее содержание, объем и правовой статус, а также уделит приоритетное внимание нормам саморегулирования. В то же время следует создать скоординированную систему регулирования, при которой Центральный банк будет осуществлять макропруденциальный надзор под координацией Центральной финансовой комиссии, а Комиссия по ценным бумагам и фьючерсам и Главное управление финансового надзора разделят обязанности по формированию динамичного и согласованного механизма, обеспечивающего оказание качественных финансовых услуг реальной экономике через верховенство закона об инфраструктуре финансового рынка Китая.

Ключевые слова: инфраструктура финансового рынка, финансовое законодательство, система надзора, системная оптимизация

Abstract. China's financial market infrastructure encompasses six types of systems: financial asset registration and custody systems, clearing and settlement systems, trading facilities, transaction report repositories, important payment systems and basic credit systems, which are of great significance in safeguarding the stable operation of the financial system. However, the relevant legislation is scattered in a number of individual laws and administrative regulations, showing fragmentation and low-level characteristics, and there are problems such as unclear legal status of financial market infrastructure, limited effectiveness of self-regulation, and lack of systemic regulatory model. In this regard, it is recommended that the proposed financial law should unify the basic system of financial market infrastructure, clarify its content, scope and legal status, and give priority to the application of self-regulatory norms. At the same time, a coordinated regulatory system should be constructed, with the central bank leading the macro-prudential supervision under the coordination of the Central Financial Commission, and the Securities and Futures Commission and the General Administration of Financial Supervision dividing up the work to form a dynamic and coordinated mechanism, so as to provide high-quality financial services for the real economy by the rule of law of China's financial market infrastructure.

Keywords: financial market infrastructure, financial legislation, regulatory framework, system optimization

In July 2024, the Third Plenary Session of the 20th Central Committee of the Communist Party of China passed the Decision on Further Comprehensively Deepening Reform and Promoting Chinese Modernization, which explicitly put forward the legislative goal of “enacting financial laws”, with the intention of enacting a basic law in the field of finance to coordinate the individual financial laws and to form a coordinated, unified, and complete system of financial laws and regulations. The system of financial laws and regulations is harmonized and complete.¹ Financial Market Infrastructures (hereinafter referred to as FMI), as the backstage system of financial system operation, its stable and efficient operation is crucial to the safety and efficiency of the whole financial system². Therefore, FMI should become an important adjustment dimension of financial law. Retrospectively, the systemic risk prevention and control function of FMI has been emphasized after the international financial crisis in 2008, and the connotation of FMI was first defined in the U.S. Dodd-Frank Act in 2010; in 2012, the Committee on Payment and Settlement Systems of the Bank for International Settlements (CPSS) and the International Organization of Securities Commissions (IOSCO) jointly issued Principles for Financial Market Infrastructures (hereinafter referred to as PFMI) further defines FMI as “a multilateral system for clearing, settling, or recording financial transactions between participating institutions”, and categorizes it into five types: payment system, central securities depository (CSD), securities settlement system (SSS), central counterparty (CCP), and transaction database (TR).

China's financial market infrastructure (FMI) system is in line with international standards, but also has local characteristics. 2020, the People's Bank of China (PBOC) and six other ministries jointly issued the “Work Program for the Coordinated Supervision and Regulation of Financial Infrastructures” (hereinafter referred to as the “Work Program”), which includes the “trading facilities” and “basic credit system” in the scope of FMI. “into the category of FMI, forming six categories, including financial asset registration and custody systems, clearing and settlement systems, trading facilities, transaction report repositories, important payment systems, and basic credit systems, and continuing the categorization paradigm in the Measures for the Supervision and Administration of Financial Infrastructures (Solicitation of Opinions) (hereinafter referred to as the “Management Measures”) in 2022. Based on the Chinese FMI classification framework and the international standard of PFMI, this paper systematically deconstructs the actual pattern of China's FMI legal system and discusses its legal system dilemma and optimization path.

1. Legislative Overview of China's Financial Market Infrastructure System

At present, the scope of China's FMI has been determined, the relevant system is scattered in a number of laws, regulations and departmental rules, the content framework has been basically formed, and the relevant administrative policy documents have initiated an attempt to build a unified system.

¹ Xing Hui-qiang. On the Formulation of Financial Law[J] // China Law Journal. 2025(2). P. 24.

² Guo Li. The Era's Demand and Theoretical Consideration for the Formulation of Financial Law[J] // Finance and Economics Law. 2025. № 2. P. 27.

1.1. Legislative Forms

China's FMI regime is scattered in a number of individual laws such as the Securities Law of the People's Republic of China, the Law of the People's Republic of China on the People's Bank of China, and the Law of the People's Republic of China on Futures and Derivatives (hereinafter referred to as the Securities Law, the PBOC Law, and the Futures and Derivatives Law), which are fragmented and limited in scope, and the construction of the regime has not been sufficiently systematized. The legal regulation of FMI relies more on the administrative regulations of the State Council and departmental administrative regulations of lower rank, the former including the Regulations on the Administration of the credit reporting Industry and the Regulations on the Administration of Futures Trading, and the latter mainly including the Measures for the Administration of Securities Settlement Risk Fund, the Measures for the Administration of Futures Exchanges, the Measures for the Administration of Stock Exchanges, the Measures for the Administration of Securities Settlement and the Measures for the Payment and Settlement of Payments, the Measures for the Administration of Network Payment Businesses of Non-Bank Payment Institutions and the Measures for the Administration of Bond Registration, Custody and Settlement of Bond Markets in the Interbank Measures for the Administration of Bond Registration, Custody and Settlement in the Bond Market, etc.

In addition, other administrative documents issued under the names of "Circulars", "Decisions", "Programs", etc. also play a role in the construction and operation of the FMI. For example, the 2013 Circular on Matters Relating to the Implementation of the Principles for Financial Market Infrastructures provided institutional guidelines for the initial construction of the FMI by citing the contents of the PFMI; and the 2020 Work Program clarified for the first time the scope of China's FMI, marking the transition of China's FMI system to a coordinated and

systematic approach to planning and construction. These administrative documents have a more "administrative policy" color, reflecting the gradual evolution of a "policy-first" approach in constructing China's FMI system.

1.2. Main contents

In respect of the financial assets registration and custody system, Chapter 9 of the Securities Law, "Securities Registration and Settlement Institutions", stipulates the conditions for the establishment of securities registration and settlement institutions, the scope of their functions, their business rules and legal liabilities. Due to the fact that the Securities Law mainly focuses on the adjustment of publicly issued capital securities, its provisions on registration and settlement organizations are mainly applicable to the securities market, and are not mandatory for the registration and custody of non-securities financial assets such as the interbank lending market, the interbank bond market, the bill market and the gold market.³ In addition, the Administrative Measures for the Registration, Custody and Settlement of Bonds in the Inter-bank Bond Market provides for the registration and custody of inter-bank bonds, of which Article 5 clarifies the legal status of the Centralized Treasury Bonds Registration and Settlement as the bond registration, custody and settlement institution.⁴

In respect of the settlement and clearing system, the PBOC Law contains no explicit provisions on FMI. Article 52 defines financial institutions, primarily banking financial institutions, and even the scope covered by the "application by reference" clause in its second paragraph excludes FMIs. Article 27 mentions the clearing system but confines it to regulating internal clearing within the banking industry.⁵ In contrast, the securities registration and settlement system is more complete and detailed, with three different levels of legislation. First, Articles 108 and 147 of the Securities Law clarify the clearing responsibilities of the securities registry and clearing organization, and

³ Zhu Xiao-chuan. China's Financial Market Infrastructure Management: Current Situation, Difficulties and Legislative Path [J] // Southwest Finance. 2020. № 4. P. 14.

⁴ See Article 5 of the Administrative Measures for Bond Registration, Custody and Settlement in the Interbank Bond Market: The bond registration, custody and settlement institution referred to in these Measures refers to the legal person that specializes in the registration, custody and settlement of bonds in the interbank bond market. The Central Government Bonds Registration and Settlement Company Limited is the bond registration, custody and settlement institution designated by the People's Bank of China.

⁵ See Article 27 of the Law of the People's Bank of China: The People's Bank of China shall organize or assist in organizing the clearing system among banking financial institutions, coordinate clearing matters among banking financial institutions and provide clearing services. Specific measures shall be formulated by the People's Bank of China. Article 52: (1) The banking financial institutions referred to in this Law refer to commercial banks, urban credit cooperatives, rural credit cooperatives and other financial institutions established within the territory of the People's Republic of China that absorb deposits from the public, as well as policy banks. (2) Financial asset management companies, trust and investment companies, finance companies, financial leasing companies, and other financial institutions established within the territory of the People's Republic of China and approved by the State Council's banking supervision and administration authorities shall be subject to the provisions of this Law on banking financial institutions.

Article 158 further establishes its legal status as a “central counterparty”, reflecting the response to the PFMI classification standard.⁶ Secondly, the Administrative Measures for Securities Registration and Settlement, as administrative regulations detailing the securities registration and settlement system of the Securities Law, are more detailed and correspond to the contents of the PFMI. Third, the Measures for the Administration of Securities Settlement Risk Funds make brief provisions on the establishment and operation of risk funds, which enhance the risk prevention ability of securities settlement organizations. In addition, Chapter VII of the Futures and Derivatives Law, entitled “Futures Clearing Institutions”, stipulates the clearing and settlement services provided by futures clearing institutions in futures transactions, and Article 93 of the Law specifies the status of futures clearing institutions as “central counterparties”. Article 93 also specifies the status of futures clearing agency as a “central counterparty”, and in Chapter II, provides for a centralized clearing mechanism for derivatives transactions.⁷ The administrative regulation “Regulations on Futures Trading” and the departmental regulation “Measures for the Administration of Futures Exchanges” also regulate the settlement of futures trading in greater detail.

In terms of trading facilities, Chapter VII of the Securities Law provides more detailed provisions on stock exchanges in 22 articles, and the departmental regulation Measures for the Administration of Stock Exchanges provides further details on this basis. Chapter 6 of the Futures and Derivatives Law

also clearly defines the establishment, alteration, dissolution, organizational form and duties of futures exchanges, while Chapter 2 of the Regulations on Futures Trading and the Measures for the Administration of Futures Exchanges contain more detailed provisions. It is worth noting that both the Securities Law and the Futures and Derivatives Law grant stock exchanges and futures exchanges, respectively, enforcement powers regarding self-regulatory measures, making it clear that they can take disciplinary or other self-regulatory measures for violations, which is highly punitive and corrective.⁸ However, there is a lack of clarity in terms of the enforcement power of the business rules of other types of FMIs.

In terms of transaction report repository, it serves as an institution that centrally keeps electronic records of financial transaction data, with the dual attributes of technical system and infrastructure. Currently, registry and custodian institutions such as the Central Treasury Bonds Registration and Settlement Corporation, the Interbank Market Clearing House Corporation, and the China Securities Depository and Clearing Corporation, as well as trading facilities such as the China Foreign Exchange Trading Center (the national interbank lending center), assume the function of transaction report repositories for specific markets. Although the Work Program and the Administrative Measures set out the objectives for the construction of trade report repositories, their construction is still at an exploratory stage.

In terms of important payment systems, The Administrative Measures categorize them as FMI, repre-

⁶ See Article 108 of the Securities Law: Securities companies make transaction declarations in accordance with the securities trading rules based on the entrustment of investors, participate in centralized trading on the floor of the stock exchange, and bear the corresponding responsibility of clearing and settlement based on the results of the transaction. The securities registration and settlement institution shall, based on the transaction results and in accordance with the clearing and settlement rules, carry out the clearing and settlement of securities and funds with the securities company and handle the registration and transfer of securities for the clients of the securities company.

Article 147: The securities registration and settlement institution shall perform the following functions: (a) the establishment of securities accounts and settlement accounts; (b) the depository and transfer of securities; (c) the registration of the register of securities holders; (d) the clearing and settlement of securities transactions; (e) the distribution of interests in securities by the issuer on behalf of the issuer; (f) the handling of inquiries and information services relating to the abovementioned businesses; (g) other businesses approved by the securities regulatory authority under the State Council; (vii) other businesses approved by the securities regulatory authority under the State Council. Article 158: A securities registry and clearing institution that provides securities settlement services as a central counterparty is the common clearing and settlement counterparty of the settlement participants, carries out netting, and provides centralized performance guarantee for securities transactions.

⁷ See Article 93 of the Futures and Derivatives Law: A futures clearing institution, as a central counterparty, is a common counterparty of clearing participants, carries out netting and provides centralized performance security for futures transactions.

⁸ See Article 83 of the Futures and Derivatives Law: Futures exchanges engaging in futures trading and related activities shall comply with the business rules formulated by futures exchanges in accordance with the law. In case of violation of the business rules, the futures exchange shall impose disciplinary actions or take other self-regulatory measures. Article 3 of the Measures for the Administration of Futures Exchanges: A futures exchange referred to in these Measures refers to a legal person established in accordance with the Futures and Derivatives Law provisions of the Regulations on the Administration of Futures Trading and these Measures, fulfilling the duties stipulated in the Futures and Derivatives Law, the Regulations on the Administration of Futures Trading and these Measures, and practicing self-regulation in accordance with its charter and business rules.

sending a narrower scope than the broader “payment systems” category under PFMI. China has formed a multi-level payment system with a modernized payment system (CNAPS) at its core, including the PBOC’s central clearing system (large-value real-time payment system, small-value batch payment system, online payment inter-bank clearing system, domestic and foreign currency payment system), the commercial banks’ in-branch system, the UnionPay inter-bank payment system, the city bank’s clearing and payment system, the Farmers’ Bank’s payment and clearing system, the RMB cross-border payment system (CIPS) and the Net Link Clearing Platform and so on. The Measures on Payment and Settlement provide for the harmonization of transaction rules for payment systems, but do not address the relevant criteria for the identification of important payment systems.

As for the basic credit reporting system, China has formed a credit reporting system with the central bank’s credit reporting system as the main body. The Regulations on the Administration of the Credit Reporting Industry provide for the establishment, business rules, supervision and legal responsibility of credit reporting agencies, but they have not been revised in the 12 years since they were implemented, and they have become difficult to adapt to the needs of modern financial development. For example, this administrative regulation which narrowly defines the scope of entities subject to credit reporting regulations, fails to distinguish between corporate and personal credit information, and employs a single penalty mechanism makes it difficult to cope with the risks of complex and diverse credit information.⁹ In addition, as a new category of FMI, the legal status and regulatory path of the basic credit reporting system is still unclear, and how to integrate it into the unified regulatory system of FMI is still a problem to be solved.

2. The main problems of China’s financial market infrastructure system

Currently, China’s FMI system lacks unified legislation, its content is not systematic, and there are problems such as regulatory fragmentation and regulatory gaps under the separate regulatory model, which need to be remedied to strengthen the legislative shortcomings.

2.1. Lack of unified legislation

In the current Chinese FMI legislation, although the number of relevant administrative regulations is considerable, to a certain extent, fill legislative gaps.

However, their lower legal binding force cannot fully overcome issues such as legislative fragmentation and unsystematic content. Constrained by the domain barriers of sectoral legislation, the regulatory scope of sectoral regulations is limited to specific domains or specific types of FMIs, presenting distinct industry-oriented characteristics, lacking a unified definition of the conceptual scope of FMIs and not establishing general legal rules. For example, regarding financial asset registration, custody, settlement, and clearing systems, existing legislation remains largely confined to the securities and futures markets, and the bond market registration and clearing system has been split into the inter-bank market and the stock exchange market, failing to cover the settlement and clearing system of other financial assets; in terms of the trading facilities, there is a lack of the standard of “systemically important financial infrastructures”, which does not facilitate the development of FMIs. In terms of trading facilities, there is a lack of standards for “systemically important financial infrastructure”, which does not facilitate the identification and supervision of important payment systems, and there is a lack of legal authorization and recognition of the effectiveness of self-regulatory norms; in terms of trade reporting repositories, there is a lack of unified real-time trade databases and their standards for the scope of application, and there is a lack of institutional norms of the trade reporting system for the bond market or for the financial market as a whole; and in terms of important payment systems, the relevant recognition standards for important In respect of important payment systems, the relevant criteria for recognizing important payment systems have not been addressed, etc.

Although defining the FMI scope, the Work Program is an administrative policy document, and the Administrative Measures remain in draft form. This situation creates serious difficulties in legal application. Although the Work Program often produces substantive binding force in regulatory practice and constitutes a functional reinforcement of the lack of legislation, it does not have national coercive force to ensure implementation, and has the obvious attributes of soft law,¹⁰ insufficient legal effect, and cannot be used as the basis for judicial decisions. This normative framework leads to serious legal application difficulties, market participants can only invoke the “People’s Bank of China Law”, “Securities Law” and other single law in the sporadic provisions, once encountered in the field of legislative gaps, that is, caught in the governance vacuum cannot be relied upon. As the complexity and risk relevance of the FMI system increases, it needs to be optimized at the level of uniformity, authority and adaptability.

⁹ Lin Jun-yue. Gains and Losses on the 10th Anniversary of the Enforcement of the Regulations on the Administration of the credit reporting Industry [J] // Credit reporting. 2023. № 6. P. 9.

¹⁰ Luo Hao-cai, Song Gong-de. Soft Laws are also Laws — Public Governance Calls for the Governance of Soft Laws. Law Press, 2009. P. 394.

2.2. Legal status is suspended

There is ambiguity regarding whether FMI refers to the system itself, its managing/investing institution, or the controlling entity traced back from the system level. PFMI explains in Note 5 of 1.8 that FMI should not be defined too narrowly as merely the operating system, nor too broadly to encompass shareholders or controllers. Instead, it should refer to the facility business-oriented entity at the operational level that possesses control rights,¹¹ constituting a tangible organizational body. At present, the organizational forms of FMIs in China are mainly membership-based and corporate-based, and there are also more special business units, but no matter what the form of composition is, they all face a problem, namely, the lack of legal authorization for the external validity of their internal self-regulatory management norms. Under the membership model, only the self-regulatory norms of securities and futures exchanges have been authorized,¹² while under the corporate model, FMI operating institutions, being corporate entities and equal market participants, lack any explicit legal authorization for the external validity of their internal self-regulatory rules,¹³ the current operating institutions can only rely on the statute or the relevant agreement to make self-regulatory acts to form a binding force.¹⁴ Even for representative institutions like central clearing centers, which may receive administrative approval or endorsement, their near-monopoly status and perceived authority often deter market participants from challenging their rules. However, this de facto acceptance does not equate to legal authorization.¹⁵

The reason for this phenomenon is mainly that Chinese law does not specify the legal status of FMI, i.e. it is not clear whether FMI is a legal subject with management authority. In this self-regulatory management norms lack of legal authorization and thus do not have the external effect of the situation, if it involves an unspecified third party to claim the right to have the effect of defects, which leads to the uncertainty of the financial transactions, so that the finan-

cial transactions shrouded in the cloud of litigation risks. At the same time, vague legal status directly weakens the effectiveness of supervision.

2.3. Lack of Lack of Coordinated Supervision

Since China's financial industry is in the mode of "separate operation and separate regulation", the payment system, credit reporting system and inter-bank market FMI are also supervised by the People's Bank of China (PBOC), while the securities settlement system, securities custodian system and central counterparty are supervised by the PBOC and the China Securities Regulatory Commission (CSRC) according to the different financial markets in which they are located. The PBOC also supervises the securities settlement system, the securities custody system and the central counterparties. For example, the Shanghai Clearing House as a central counterparty is supervised by the PBOC, while the Shanghai Futures Exchange, Zhengzhou Commodity Exchange and Dalian Commodity Exchange, which are also central counterparties, are supervised by the CSRC, and the insurance exchange is supervised by the State Administration of Financial Supervision. Under this fragmented regulatory framework, rules issued by individual departments have limited applicability. Departments working in silos creates regulatory vacuums, and the absence of inter-regulatory coordination mechanisms results in ineffective oversight which is not conducive to the smooth operation of the FMI.

In response to the above systemic deficiencies, China's recent institutional efforts, while showing a clear intent towards consolidation, have yet to overcome the path dependency of incremental patching, although there is an obvious intention to consolidate. In October 2020, the People's Bank of China (PBOC) released the "People's Bank of China Law (Draft Revision Draft)" (hereinafter referred to as the "Draft Revision Draft"), which attempts to make localized adaptation, and Article 39 of which adds the PBOC to "taking the lead in planning and coordinating the implementation of supervision of important financial

¹¹ Zhang Yang. Risk Regulation of Financial Market Infrastructure [D] : Wuhan University PhD thesis. 2021. P. 39.

¹² Article 83 of the Futures and Derivatives Law and Articles 117 and 158 of the Securities Law give mandatory power to the internal trading rules of securities and futures exchanges as well as securities registration and settlement organizations.

¹³ Typical corporate FMIs are China Securities Depository and Clearing Company Limited, Central Government Bonds Depository and Clearing Company Limited, China Trust and Registration Company Limited, China Financial Futures Exchange Company Limited, Shanghai Insurance Exchange Company Limited, Shanghai Bills Exchange Company Limited, Inter-bank Market Clearing House Company Limited, and Cross-border Inter-bank Payment and Clearing Company Limited, of which. China Securities Depository and Clearing Co. engages in securities registration and settlement and is authorized by Article 158 of the Securities Law, and its internal self-regulatory norms have worldwide effect, while the Beijing Stock Exchange, which was newly established in 2021, although adopting a corporate model, has also been authorized by Article 158 of the Securities Law because it is a securities trading facility.

¹⁴ Ji Kui-ming. The Effect Formation Mechanism of Self-Regulatory Norms for Financial Market Infrastructure[J] // Peking University Law Journal. 2019. № 2. P. 545.

¹⁵ See supra note 11 at 41.

infrastructure construction”,¹⁶ establishing for the first time the central bank’s function of coordinating the supervision of important FMIs, which is borrowed from the U.S. Dodd-Frank Act, which requires that systemically important financial market infrastructures be identified and supervised, as well as the Federal Reserve, which is still responsible for implementing macro-prudential supervision.¹⁷ In June 2024, the NPC Standing Committee published the Financial Stability Law (Draft Second Review Draft), Article 2 of which explicitly stipulates that the objectives of financial stability include safeguarding the continuity of the basic functions of financial institutions, financial markets, and financial infrastructures.¹⁸ Article 17 proposes the establishment of a national financial database, and incorporates the FMIs into the legislative vision of financial stability.¹⁹ However, its article 45 also fails to define the specific scope of FMI, which is a drawback, and the Act has been shelved since the initiation of the financial law legislative program.

In December 2022, the People’s Bank of China, in conjunction with relevant departments, drafted and released the Administrative Measures, which is China’s first exposure draft for FMI system legislation.

The Administrative Measures consist of six chapters and forty-six articles, providing detailed provisions on the establishment, operation, supervision and legal liability of FMIs. Among them, Article 2 continues the six classifications of FMIs in the Work Program;²⁰ its Article 24 affirms the principle of interconnection and interoperability of FMIs, requiring FMIs to carry out business cooperation with each other through the connection of relevant systems, and reinforces the transparency of FMIs to reduce the cost of systematic communication in the transaction process.²¹ In addition, the Administrative Measures also set access and reporting obligations for cross-border delivery services of foreign FMIs, taking into account the opening-up and financial security. By clarifying the scope of regulation of FMIs, improving the access arrangements, strengthening their operational and risk management requirements, and optimizing the supervision and responsibilities of relevant entities, the Administrative Measures represent China’s first attempt to implement unified regulation of FMIs.²² However, the Administrative Measures are still at the stage of consultation and the official implementation date is not yet clear.

¹⁶ See Article 39 of the Law of the People’s Bank of China (Draft Revision for Opinion): the People’s Bank of China takes the lead in formulating rules for the supervision and management of financial infrastructures, organizing inspections and evaluations of financial infrastructures, and proposing opinions on the determination of systemically important financial infrastructures and the implementation of macro-prudential management. The PBOC approves the establishment and supervises the establishment of inter-bank market infrastructure, basic credit reporting systems, important payment systems and their operators, and approves the establishment of financial infrastructures other than those in the securities and futures industries in conjunction with the relevant State Council financial supervision and administration authorities, and implements functional supervision.

¹⁷ Lin Jie. Exploring the Reform of Financial Market Infrastructure Regulation[J] // Jinan Journal (Philosophy and Social Science Edition). 2024. № 5. P. 53.

¹⁸ See Article 2 of the Second Review Draft of the Financial Stability Law (Draft): The goal of maintaining financial stability is to safeguard the continuity of the basic functions and services of financial institutions, financial markets and financial infrastructure, to continuously improve the ability of the financial system to withstand risks and serve the real economy, to curb the formation and expansion of financial risks, and to prevent systemic financial risks.

¹⁹ See Article 17 of the Second Review Draft of the Financial Stability Law (Draft): The People’s Bank of China, in conjunction with the relevant departments of the State Council, shall establish a macro-prudential policy framework covering the major financial institutions, financial markets, financial infrastructures and financial activities; it shall monitor and assess the overall risk situation of the financial industry; it shall utilize macro-prudential policy tools; and it shall guard against systemic financial risks. The People’s Bank of China, in conjunction with the relevant departments of the State Council, has established a macro-prudential policy framework covering major financial institutions, financial markets, financial infrastructures and financial activities, monitored and assessed the overall risk situation of the financial industry, utilized macro-prudential policy tools, and prevented systemic financial risks.

²⁰ See Article 2 of the Measures for the Supervision and Administration of Financial Infrastructure (Exposure Draft): The financial infrastructure referred to in these Measures refers to the financial asset registration and depository system, the clearing and settlement system (including the central counterparty that carries out the centralized clearing business), the trading facilities, the transaction report repository, the important payment system, and the basic credit reporting system.

²¹ See Article 24 of the Measures for the Supervision and Administration of Financial Infrastructures (Draft for Public Comments): When financial infrastructures carry out business cooperation among themselves through relevant system connections, their operating institutions shall clarify the rights, obligations and responsibilities of each party through the signing of an agreement or a convention, etc., and shall effectively identify and manage relevant risks.

²² Ji Kui-ming. Outline of Infrastructure Unification Norms in the Formulation of Financial Law [J] // Finance and Economics Law. 2025. № 4. P. 89.

3. Optimization Path of China's Financial Market Infrastructure System

For the long-neglected FMI system, it is only expedient to patch up the current law, and it is more urgent and feasible to take the opportunity of drafting the financial law to formulate the unified basic rules. China's FMI legislation needs to achieve a three-fold goal through the unification of legislation, first, to clarify the basic scope of the six types of FMIs and the dynamic adjustment mechanism; second, to give FMIs a special corporate status and strengthen the effectiveness of self-regulatory norms in the world; and third, to build a hierarchical synergistic system with the central bank's macro-prudential supervision as the core and the functional supervision of the Securities and Exchange Commission (SEC) and the General Administration of Financial Supervision as the complementary system. On this basis, relying on the Financial Services Commission to coordinate and implement differentiated regulatory intensity and high-frequency rule iteration, promote the paradigm shift from fragmented governance to systematization and rule of law, and strengthen the function of "bal- last" for financial stability.

3.1. Clarify the basic scope of FMI

The Third Plenary Session of the 20th CPC Central Committee proposed the formulation of a financial law, which provides an important opportunity for the rule of law and institutionalization of FMI. Although the current legislative model of financial law exists in the financial basic law and "stability and regulation" unification of the two legislative paths of choice, but these two legislative models will be involved in the regulation of FMI, so to solve the current problems encountered in the construction of the FMI, the optimal model is still a strong unification of the financial law on the FMI for comprehensive regulation. Therefore, the author believes that the scope of the basic concept of FMI, its legal status and regulatory path can be clarified in the financial law by combining the Administrative Measures, the Exposure Draft, the Financial Stability Law (Draft) and other relevant documents. First of all, for the basic concept and scope of FMI, it can continue the provisions in the Administrative Measures, adopt enumerative definition to divide China's FMI into six categories, and at the same time,

it can set up a bottom-up clause, primarily stipulating the criteria and methodologies for identifying FMI, thereby enabling the FMI scope to evolve dynamically²³ and mitigating the limitations inherent in purely enumerative legislative approaches. For the Internet financial platform can be incorporated into the supervision of FMI through the idea of differentiated treatment, categorized governance and differentiated supervision.²⁴ At the same time, the "Administrative Measures" did not further explain the specific FMI after categorization, so it can be defined together in the financial law to clarify the specific point of each type of FMI. The definition of the scope of FMI is only the starting point for the construction of the system, and it is more crucial to establish the legal personality and power boundary of FMI. For the lack of effectiveness of self-regulatory management of this core problem, need to be empowered by legislation to achieve from the "de facto authority" to the "legal source of power" of the leap.

3.2. Enhancing the External Validity of FMI Self-Regulatory Norms

FMI can become the basis of financial market transactions, because of its self-regulatory management of the financial market to form a constraint, prompting market participants to form stable expectations. However, as mentioned above, only a few FMI self-regulatory management norms have been explicitly authorized, and none of the others have been explicitly authorized. The issue of the external effectiveness of self-regulatory management norms boils down to the ambiguity of the legal status of FMI operating organizations. The "Management Measures" have responded to this problem, Article 23 gives FMI operating institutions the responsibility of managing the main body, but the concept of "FMI operating institutions" introduced in this article is controversial.²⁵ As previous analysis indicates, the core connotation of FMI refers to the entity directly responsible for operating the facility-oriented business. However, this article creatively introduces the FMI operating organization, which is obviously the result of confusing the front-end technical system with the main body and placing FMI too far in front of the technical system. And the source of its self-regulatory authority and the way of performing its duties are still stuck in the solidified thinking of private

²³ See supra note 22 at 95.

²⁴ Yue Cai-shen. Legal Reflections on the Incorporation of Internet Financial Platforms into the Regulation of Financial Market Infrastructure [J] // Politics and Law Series. 2021. № 1. P. 91.

²⁵ See Article 23 of the Measures for the Supervision and Administration of Financial Infrastructure (Exposure Draft): Financial infrastructure operating institutions shall assume the main responsibility for the management of participants and take practical measures to strengthen the supervision and management of participants. The rights, obligations and responsibilities of each party shall be clarified between the financial infrastructure operator and the financial infrastructure participants through the signing of agreements, conventions or the formulation of business rules. For participants that conduct business in violation of the law and pose greater risks, management measures such as suspension of business and orderly withdrawal should be taken as appropriate.

authorization and administrative penalties, which need to be unified legislation to break the conceptual and practical path of dependence.²⁶ Therefore, the provisions of the Management Measures can be further improved in the financial law, which can directly stipulate that FMI is the main body of management of market participants, and make it clear that it is a special enterprise legal person with certain market management authority. Furthermore, grant priority effect to FMI internal self-regulatory rules, allowing them to prevail over conflicting provisions in general laws. By directly authorizing the self-regulatory management of FMI in the financial law, its legal status is clarified and FMI is given a higher legal status, which makes it have the double-layer functions of both management and service, and also helps to relieve the regulatory pressure and realize the full coverage of regulation. After the legal status is clarified, the scientific nature of the configuration of the regulatory power becomes the guarantee for the system to land, and the flexible regulatory framework matching the risk level of FMI can be constructed to dissolve the tension between sectoral regulation and functional regulation.

3.3. Constructing a coordinated regulatory system

While different legislative models for the financial law are under consideration, the regulatory model for FMI must be addressed regardless of the model chosen. The Management Measures “Exposure Draft” requires the central bank to coordinate the supervision of important financial FMIs. The Financial Stability Law (Draft) similarly provides for the central bank’s responsibility to supervise FMIs and requires the central bank to supervise them in coordination with the State Council’s supervisory and regulatory authorities, but is silent on the specific coordination mechanism. 2023 The State Council implemented institutional reforms to form the State Financial Supervision and Administration Bureau, which will unify and exercise the functions of financial supervision in addition to those of the securities industry. How the newly established General Admin-

istration of Financial Supervision can supervise FMIs in synergy with the central bank and the Securities and Futures Commission, and how to play the function of the financial members’ association for coordination and harmonization have all become urgent issues to be resolved. Therefore, important FMIs can be distinguished in the Financial Law according to the categorization criteria for important FMIs in the Administrative Measures.²⁷ In accordance with the provisions of the Administrative Measures, the Exposure Draft and the Financial Stability Law (Draft), and under the principle of “who establishes, who supervises”, and upholding the systemic thinking of supervision, a hierarchical supervisory system should be established to differentiate between significant and non-significant FMIs.

Specifically, under the overall leadership, communication and coordination of the Financial Services Commission, the People’s Bank of China may be responsible for macro-prudential supervision of important FMIs. Among them, FMIs involving securities, futures and their related activities shall be supervised by the China Securities Regulatory Commission in accordance with the law; payment systems, basic credit systems, and inter-bank market FMIs shall be supervised by the People’s Bank of China; other FMIs may be functionally supervised by the State General Administration of Financial Supervision; for non-important FMIs, they shall be supervised by the department that approves of their establishment; and in the case of regulatory conflicts, they may be supervised by the Finance At the same time, it is necessary to build a differentiated regulatory intensity gradient — comprehensive regulation for systemically important FMIs (e.g., applying the 24 indicators of the PFMI, etc.), and flexible regulatory tools (e.g. exempting part of the operational resilience requirements, etc.) for non-systemically important FMIs, for which “regulatory sandboxes” can be introduced. Introducing a “regulatory sandbox” mechanism can incentivize financial innovation and application, while simultaneously containing associated risks within manageable bounds to safeguard financial stability.²⁸ Si-

²⁶ See supra note 29 at 95.

²⁷ See Article 37 of the Administrative Measures, which determines that those that meet some or all of the following criteria are systemically important financial infrastructures, and the financial administration department of the State Council shall be responsible for proposing and supervising the determination in accordance with the division of responsibilities: (i) the number of participants is large and widely distributed; (ii) it has a high market share; (iii) it has complex business, is highly interconnected with financial institutions or is interconnected with other systemically important financial infrastructures; and (iv) it has a high level of risk in terms of the number of participants and the number of participants interconnected; and (v) providing critical services in the financial market that are difficult to replace and may have a significant adverse impact on the financial system and the real economy in the event of a major risk event or other event that results in the inability to sustain operations. Those that do not meet the above criteria are non-systemically important financial infrastructures and shall be supervised by the financial administration department of the State Council or the provincial people’s government in accordance with the division of responsibilities in accordance with the requirements of Article 3 of these Measures.

²⁸ *Yuan Kang, Tang Feng. Systemic Risks of Financial Infrastructures in the Context of Fintech and Their Regulatory Consequences [J] // Finance and Economics Law. 2021. № 6. P. 16.*

multaneously, financial regulators should be granted greater autonomy in rulemaking. This, coupled with a high-frequency cycle of enacting, amending, repealing, and interpreting rules ("legislation, reform, abolition, and interpretation"), will enhance regulatory adaptability to market dynamics. Regulatory policy incentives and constraints should be dynamically adjusted, and regulatory measures allocated in a timely manner to remain effective.²⁹

4. Conclusion

The development of China's FMI legal framework is at a critical juncture, transitioning from a "policy-driven" approach to "systematic legislation". The existing system has formed structural contradictions in terms of fragmented legislative content, vague classification

standards, suspended legal status and fragmented regulatory powers and responsibilities, which urgently need to be consolidated through high-level legislation. The enactment of a basic financial law or a special FMI law can not only unify and define the legal scope and classification framework of FMI, but also eliminate market transaction uncertainty by granting external validity to self-regulatory norms. At the same time, the construction of a hierarchical regulatory system centered on the importance of FMI, to realize the tension and relaxation of regulation. In the future, China needs to balance the local practice and international integration in the legislative innovation, strengthen the institutional function of FMI as the "ballast" of financial stability, and support the high-quality development of the Chinese-style modernized financial system with the rule of law and systematic underlying structure.

REFERENCES

1. *Guo Li*. The Era's Demand and Theoretical Consideration for the Formulation of Financial Law // Finance and Economics Law. — 2025 — № 2.
2. *Ji Kui-ming*. Outline of Infrastructure Unification Norms in the Formulation of Financial Law // Finance and Economics Law. — 2025. — № 4.
3. *Ji Kui-ming*. The Effect Formation Mechanism of Self-Regulatory Norms for Financial Market Infrastructure // Peking University Law Journal. — 2019. — № 2.
4. *Lin Jie*. Exploring the Reform of Financial Market Infrastructure Regulation // Jinan Journal (Philosophy and Social Science Edition). — 2024. — № 5.
5. *Lin Jun-yue*. Gains and Losses on the 10th Anniversary of the Enforcement of the Regulations on the Administration of the credit reporting Industry // Credit reporting. — 2023. — № 6.
6. *Luo Hao-cai, Song Gong-de*. Soft Laws are also Laws — Public Governance Calls for the Governance of Soft Laws. — Law Press, 2009.
7. *Xing Hui-qiang*. On the Formulation of Financial Law // China Law Journal. — 2025 — № 2.
8. *Xu Ying-jun, Kong Xiao-xia*. Multi-dimensional Synergy and Unified Legislation of Financial Supervision under Systemic Thinking // Journal of Henan University (Social Science Edition). — 2025. — № 3.
9. *Yuan Kang, Tang Feng*. Systemic Risks of Financial Infrastructures in the Context of Fintech and Their Regulatory Consequence // Finance and Economics Law. — 2021. — № 6.
10. *Yue Cai-shen*. Legal Reflections on the Incorporation of Internet Financial Platforms into the Regulation of Financial Market Infrastructure // Politics and Law Series. — 2021. — № 1.
11. *Zhang Yang*. Risk Regulation of Financial Market Infrastructure : Wuhan University PhD thesis, 2021.
12. *Zhu Xiao-chuan*. China's Financial Market Infrastructure Management: Current Situation, Difficulties and Legislative Path // Southwest Finance. — 2020. — № 4.

²⁹ *Xu Ying-jun, Kong Xiao-xia*. Multi-dimensional Synergy and Unified Legislation of Financial Supervision under Systemic Thinking [J] // Journal of Henan University (Social Science Edition). 2025. № 3. P. 35.

Типичные различия в применении судами общих условий внутренних перевозок пассажиров и багажа и соответствующего законодательства Typical Adjudication Differences on the General Conditions of Domestic Carriage of Passengers and Baggage and their Application of Law

Ши Руй-Ке,
исследователь Китайско-российского совместного центра
сравнительного правоведения при Хэнаньском университете,
г. Кайфэн, Китай
2564792850@qq.com

Shi Rui-Ke,
Research at Chinese-Russian Center
for Comparative Law at Henan University,
Kaifeng, China
2564792850@qq.com

© Ши Руй-Ке, 2026

DOI: 10.17803/2587-9723.2026.9.1.016-023

Аннотация. В спорах, возникающих из договоров внутренней воздушной перевозки пассажиров и багажа, наблюдаются существенные различия в применении общих условий перевозки. Указанные расхождения проявляются в трех категориях споров: 1) о действительности стандартных условий (договора присоединения), ключевая проблема которых заключается в судебных разночтениях между требованиями формального соблюдения требований и материально-правовым согласованием условий; 2) об ответственности за повреждение багажа, в которых основное противоречие проявляется в коллизии между положениями общих условий перевозки и нормами Воздушного кодекса, а также в отсутствии справедливости вследствие существенного отставания действующего норматива возмещения («компенсация за килограмм веса»); 3) об ответственности за нарушение обязательств при замене типа воздушного судна, ключевой аспект которых заключается в противоречии между стремлением авиаперевозчика посредством стандартных условий снять с себя гарантию соблюдения типа воздушного судна и разумными ожиданиями пассажиров относительно качества предоставляемой услуги.

В целях формирования единообразного подхода и устранения неопределенности в правоприменении действие стандартных положений должно соответствовать двойным стандартам, предусмотренным статьей 10 Разъяснения Верховного суда по вопросам толкования Общих принципов контрактов.

Стандарт компенсации за повреждение багажа должен заполнить правовые пробелы в соответствии с принципом справедливости, закрепленным в ст. 6 Гражданского кодекса, и соответствовать международным стандартам компенсации, предусмотренным в проекте изменений Воздушного кодекса, что позволит сформировать справедливый и разумный механизм компенсации. Определение факта нарушения условий контракта в связи с изменением типа воздушного судна должно основываться на принципе стандарта обслуживания, установленном в ст. 821 Гражданского кодекса, с учетом объективного критерия ухудшения качества услуги.

Ключевые слова: общие условия воздушной перевозки, стандартные условия (договор присоединения), действие условий договора присоединения, повреждение багажа, замена типа воздушного судна

Abstract. *In domestic air passenger transportation contract disputes, there are significant differences in the legal application of the general conditions of transportation, which are concentrated in three types of disputes: first, the dispute over the validity of the standard clause, the core of which lies in the judicial difference between the formal compliance requirements and the substantive agreement; Second, the dispute over the standard of compensation for baggage damage focuses on the conflict between the provisions of the general conditions of carriage and the provisions of the Civil Aviation Law, and the lack of substantive fairness due to the serious lag of the current compensation standard of “compensation per kilogram”; Third, the key to the dispute over liability for breach of contract for aircraft type change lies in the tension between the airline’s obligation to eliminate the type guarantee obligation and the reasonable service expectations of passengers through standard clauses. In order to build consensus and clarify the application of law, the effect of standard clauses should follow the dual standards of conspicuous reminder and substantive knowledge in Article 10 of the Judicial Interpretation of the General Principles of Contracts. The standard of compensation for baggage damage should fill the subsequent legal loopholes with the principle of fairness in Article 6 of the Civil Code, and connect with the international compensation standard introduced in the Civil Aviation Law (Revised Draft) to form a fair and reasonable compensation mechanism. The determination of breach of contract for aircraft type change shall be based on the “service standard principle” established in Article 821 of the Civil Code, and the objective impairment of service quality shall be the criterion.*

Keywords: *general conditions of air transport, standard clauses, Subscription effect, damage to baggage, aircraft type change*

With the popularization of electronic contracting, the general conditions of air transport are important documents regulating the rights and obligations of air transport contracts, and the legal application disputes are becoming increasingly prominent. It coincides with a critical stage in the revision of the Civil Aviation Law, providing an important opportunity to resolve long-standing differences in the application of law. This paper focuses on the field of domestic air passenger transportation, and selects three major disputes such as the validity of standard clauses, the standard of compensation for baggage damages and the liability for breach of contract by aircraft type change as the research objects, mainly based on the following considerations: First, through the Judgment Documents Network and the Peking University Law Weapon Database, the full-text search of cases from 2020 to 2025 with the keywords “air passenger transportation” and “general conditions for domestic transportation of passengers and baggage” is conducted, and 108 judgment documents are preliminarily obtained. After screening, after excluding 12 duplicate cases, procedural rulings and irrelevant cases, the valid samples were 94 cases, including disputes over the validity of standard clauses (28 cases), baggage damage compensation (11 cases) and aircraft type change disputes (15 cases). These three types of cases together account for more than 50%, and there are significant differences in the positions of the adjudicators. Secondly, these disputes are directly related to the institutional connection between the Civil Aviation Law and the Civil Code, especially the regulation of standard clauses, the fairness of compensation standards, and the guarantee of service

standards. Finally, from the perspective of industry development, resolving these disputes is practical and urgent to regulate the air transport market and protect the rights and interests of hundreds of millions of passengers.

This paper takes the Civil Code and its judicial interpretations as the analytical framework, combines typical precedents and law amendment trends, and focuses on the legal application paths of the three types of disputes, aiming to provide a theoretical reference for balancing industry efficiency and contractual fairness. It should be noted that although the general conditions for domestic carriage of passengers and baggage also involve other disputes such as overbooking and refusal of loading, the three major disputes selected in this article are of fundamental significance for improving the legal system of air transport because of their representativeness, theoretical depth and practical value.¹

1. Typical types of disputes regarding the general conditions of domestic carriage of passengers and luggage

1.1. Disputes over the validity of standard clauses

In the process of concluding air carriage contracts, the issue of the validity of the general conditions of carriage as a typical standard clause has become the core focus of controversy. Before the promulgation of the Judicial Interpretation on the General Principles of Contracts, judicial practice showed a trend of parallel formal and substantive review. Most courts fa-

¹ Unless otherwise specified, the term ‘General Conditions of Carriage’ referred to below means the ‘General Conditions for Domestic Carriage of Passengers and Baggage’.

voured the formal review standard, holding that when a passenger ticks the “I have read and agree” option at the time of ticket purchase, it is presumed that the airline has fulfilled its obligation to inform the airline of the risk warning and baggage declaration terms set out on the ticketing website.² Some judgments even further clarify that the carrier’s provision of a website and telephone number for inquiring about the general conditions of carriage on the purchase form is deemed to have fulfilled its reasonable obligation to remind.³ Of course, there are also judges who break through the limitations of formalism and deny the presumption effect of “checking the box and agreeing”, emphasizing the need to examine the true agreement.⁴ After the promulgation of the Judicial Interpretation on the General Principles of Contracts, Article 10, paragraph 3 stipulates that the obligation to prompt or explain cannot be regarded as having been fulfilled just by means of “checking and popping up”. However, even if there are regulations, there are still referees who continue the idea of “checking and agreeing”.⁵ The above conflict is essentially a difference between formal and substantive review, and it still exists after the implementation of the new judicial interpretation.

1.2. Disputes over the standard of compensation for baggage damage

In air passenger carriage practice, the compensation standards for baggage damage have become a ma-

jor contentious issue. Airlines typically incorporate the liability limits prescribed by the Montreal Convention and relevant civil aviation legislation into their General Conditions of Carriage, or formulate their own limited compensation clauses.⁶ However, judicial practice reveals divergences in applying such compensation clauses. Some courts directly enforce the compensation standards stipulated in the General Conditions of Carriage.⁷ For instance, in an air passenger transport dispute involving a damaged violin (6 kg), the court awarded only 600 RMB based on the carrier’s standard of “100 RMB per kilogram” for checked baggage. Other courts conduct substantive examinations of the reasonableness of the baggage compensation standard stipulated in the general conditions of carriage based on the principle of fairness. For example, in an air transport dispute case, although the airline’s general conditions of carriage stipulate the compensation limit, the court combined with the Civil Aviation Law and the Provisions on the Liability Limit of Domestic Air Transport Carriers to exceed the compensation limit of the total conditions of carriage by many times.⁸ In addition, the current standard of “compensation by kilogram” has frequently caused controversy in practice due to the low amount of compensation.⁹ The core of such disputes is that there is a difference in the value of “strict contractual adherence” and “equitable adjustment” in judicial judgments on the compensation standards for air baggage.

² Refer to Guo v. Shanghai Airlines Co., Ltd. Air Passenger Carriage Contract Dispute Case, Xinwu District People’s Court of Wuxi City, Jiangsu Province [2023] Su 0214 Min Chu No. 8812 Civil Judgment. For similar judgments, see Ma Moumou v. China Eastern Airlines Co., Ltd. Air Passenger Carriage Contract Dispute, Beijing No. 2 Intermediate People’s Court [2021] Jing 02 Min Zhong No. 11520 Civil Judgment.

³ Refer to Li Moumou v. China Eastern Airlines Co., Ltd. Air Passenger Carriage Contract Dispute, Shanghai Pudong New Area People’s Court [2018] Hu 0115 Min Chu No. 89817 Civil Judgment. For a similar judgment, see Feng v. Spring Airlines Co., Ltd. Air Passenger Carriage Contract Dispute Case, Guangdong Province Shenzhen Bao’an District People’s Court [2022] Yue 0306 Min Chu No. 1719 Civil Judgment.

⁴ Refer to Ye v. Jiuyuan Airlines Co., Ltd. and other network service contract disputes, Beijing High People’s Court [2022] Jing Min Zai No. 64 Civil Judgment. In this case, the parties disputed whether the airline had fulfilled its obligation to remind with respect to its stipulated “no free consignment quota”. The court ultimately held that although passengers may be aware of the specific content of air transportation services when purchasing tickets, it cannot be presumed that all network users are aware of and voluntarily accept the terms of the air transport service when entering into a transportation contract with a transport company through a third-party trading platform just because passengers check “I have read and know” when purchasing tickets.

⁵ Refer to Liu v. Hainan Company and Other Air Passenger Contract Dispute Case, Haikou Maritime Court [2025] Qiong 72 Min Chu No. 99 Civil Judgment. In this case, the court held that the plaintiff read and agreed to the defendant HNA’s General Conditions of carriage, which constituted the agreement of the transportation contract between the two parties, and did not review whether the specific way in which the airline provided the standard clause met the statutory prompt standards.

⁶ Dong Nian-Qing. Theoretical Interpretation and Practical Investigation of Exemption Clauses: Based on the Analysis of Air Carriage Contracts[J] // Lanzhou Academic Journal. 2021. № 12. P. 16—32.

⁷ Refer to Feng v. Spring Airlines Co., Ltd. Air Passenger Carriage Contract Dispute, Bao’an District People’s Court of Shenzhen, Guangdong Province [2022] Yue 0306 Min Chu No. 1719.

⁸ Refer to China Eastern Airlines Co., Ltd. v. Sun Wei Air Cargo Contract Dispute, Beijing No. 3 Intermediate People’s Court [2021] Jing 03 Min Zhong No. 11892 Civil Judgment.

⁹ Beijing News Commentary. [2024, March 26]. Don’t just debate whether the ‘260 million porcelain’ is a scam; the airline’s ‘pay by the kilogram’ policy is a predatory clause. Toutiao. Retrieved July 10, 2025, from URL: <https://www.toutiao.com/article/6284981248704119297/>.

1.3. Disputes over the determination of breach of contract by aircraft type change

In the practice of air transportation, the choice of aircraft type directly affects the travel experience of passengers, and there are significant differences in comfort and facility configuration between different models. At present, disputes caused by airlines' unilateral changes in aircraft models are frequent, and there are obvious differences in judicial practice as to whether it constitutes a breach of contract. Some courts strictly follow the contractual agreement, holding that if the airline clearly states in the general conditions of transportation that the aircraft type may be changed, and the passenger does not raise any objection when purchasing the ticket, it should be deemed that the passenger has accepted this agreement, and the airline's change of aircraft type does not constitute a breach of contract.¹⁰ In contrast, other courts emphasize that based on the substance of the contract and the reasonable expectations of the passenger, the airline changed the aircraft type without informing the passenger, which reduced the comfort of the flight, which constituted a breach of contract.¹¹ The core of the above judgment disagreement is whether the airline should fully respect the formal agreement of the contract when excluding the aircraft type guarantee obligation through the general conditions of transportation, or whether it needs to take into account the reasonable expectations and substantive fairness of passengers.

2. Analysis of the causes of typical disputes regarding the General Conditions for Domestic Carriage of Passengers and Baggage

2.1. The causes of disputes over the validity of standard clauses

The disagreement in the judicial practice on the validity of the general conditions for carriage mainly stems from the following factors: First, although air-

lines use visual prompts such as bold font and bolding, due to the lengthy content and dense typesetting, and often superimpose multiple documents such as the "Terms of Service for Air Ticket Ordering" and "International General Conditions of Carriage", which not only leads to a poor actual reading experience, but also makes the key clauses hidden under multi-layer links, requiring multiple clicks to view the full content.¹² Although this "information overload" presentation meets the minimum prompt requirements in form, it seriously weakens the recognition of rights and obligations such as liability limitation, baggage damage, and aircraft type change due to insufficient visual distinction of clauses, making it difficult for consumers to quickly locate key clauses in the vast amount of information, and it is difficult to reach the level of "sufficient to attract the attention of the other party" required by Article 10, Paragraph 1 of the Judicial Interpretation of the General Principles of Contracts.

2.2. Causes of disputes over baggage compensation standards

The differences in judicial practice on compensation for baggage damage mainly stem from the following two issues: First, the lag of compensation standards. The Provisions on the Liability Limit of Domestic Air Transport Carriers formulated in 2006 and the Rules for the Domestic Carriage of Civil Air Passengers and Baggage of China formulated in 1996 and revised in 2004 both stipulate the compensation standard of "RMB 100 per kilogram". These standards were formulated in line with the social and economic conditions at that time, but after more than 20 years, with economic development and significant price changes, it has been difficult to adapt to actual needs. For example, if a limited edition suitcase checked in by a passenger (with a purchase price of 1,700 yuan and has collection value) is seriously damaged during transportation, the airline will compensate 500 yuan according to the total transportation conditions at the rate of 5 kg.¹³ The judgment result of this kind of

¹⁰ Refer to Zhong Moumou v. China Southern Airlines Co., Ltd. Air Passenger Carriage Contract Dispute, Guangzhou Railway Transport Intermediate People's Court (2021) Yue 7101 Min Chu No. 80 Civil Judgment. The aircraft model purchased by the passenger in this case was "Boeing 787", which was found to be "Airbus 321" after boarding. The passenger filed a lawsuit claiming that the airline was liable for breach of contract. The court cited the airline's general conditions of carriage that "the aircraft type stated in the flight schedule may change from the actual aircraft type, and the aircraft type does not constitute an integral part of the transportation contract between China Southern Airlines and the passenger", and found that the airline's change of aircraft type did not constitute a breach of contract.

¹¹ Refer to China Eastern Airlines Co., Ltd. v. Liu et al. Air Passenger Carriage Contract Dispute Case, Shanghai No. 1 Intermediate People's Court (2023) Hu 01 Min Zhong No. 1106 Civil Judgment. In this case, the airline changed the aircraft type from the original two-aisle wide-body aircraft to a single-aisle narrow-body aircraft without informing the passenger, and the court held that the airline changed the aircraft type without the passenger's consent, lowered the service standard, harmed the legitimate rights and interests of the passenger, constituted a breach of contract, and required compensation to the passenger.

¹² Zhou Heng-Yu. Exploration of the Applicable Rules for Standard Clauses in the Civil Code [J] // Legal Application. 2022. № 09. P. 159—167.

¹³ Yang Chen. (2024, March 26). If the limited edition suitcase is broken, is it appropriate for the airline to compensate 500 yuan per kilogram? Retrieved June 2025 // URL: <https://www.toutiao.com/article/7350628527709979175/>.

machinery applying outdated standards can neither compensate for the actual losses of passengers nor violate the principle of fairness.

Second, the deeper problem lies in the divergence of value orientation in the standards for the application of law. Some courts have taken the position of prioritizing freedom of contract, holding that as long as the airline clearly stipulates the standard of compensation for baggage damage in the general conditions of carriage and does not violate the mandatory provisions of laws and regulations, its validity should be respected. This adjudication approach focuses on the high-risk characteristics and standardized operation needs of the air transport industry, and emphasizes maintaining the stability of the industry's transaction order by respecting the validity of standard clauses. While the other part of the court adheres to the concept of substantive fairness first, focusing on whether the provisions of the general conditions of transportation improperly reduce the carrier's liability and whether the compensation standard is obviously unfair. In specific cases, such adjudications are more inclined to be based on the perspective of consumer rights protection, and to ensure that the legitimate rights and interests of passengers are not harmed by formally compliant but substantively unfair clauses by reviewing the reasonableness and balance of clauses, so as to achieve a balance of interests in individual cases.

2.3. The cause of the aircraft type change controversy

The current judicial practice mainly stems from the following two reasons: First, the difference in contract interpretation methods leads to opposing adjudication positions. Some courts adopted a formal interpretation of the general conditions of carriage, holding that as long as the airline fulfills its obligation to inform and the passenger does not raise any objection, it is deemed to accept the agreement in the general conditions of carriage that "aircraft type change is not part of the contract". While the other part of the court adheres to the position of substantive interpretation, starting from substantive fairness, emphasizing the difference in cabin experience of different aircraft types, and unilateral changes without consent constitute a breach of contract.

Secondly, there are differences in the scope of obligations in air transport contracts.¹⁴ The court with

a negative opinion limited the core obligation of the contract to "safe transportation", holding that as long as the airline fulfills its obligation to safely transport passengers to the destination, it is deemed to have fully fulfilled the contract.¹⁵ The affirmative court held that the obligations of modern air transport contracts have gone beyond a single safe transportation category, and should also include the guarantee of the quality of the flight experience.¹⁶

3. The Proper Legal Application of the General Conditions for Domestic Carriage of Passengers and Baggage

3.1. The general condition of carriage entry control should meet the standards of distinctiveness and information

According to Article 10 of the Judicial Interpretation of the General Principles of Contract, the performance of the obligation to remind the standard clause must reach a level that is "sufficient to attract the attention of the other party". As a typical standard clause, the general conditions of carriage need to meet this standard for the performance of the reminder obligation. The satisfaction of this standard not only needs to attract the attention of the other party, but also needs to make the passenger substantively informed. Because the purpose of the standard clause provider to perform the obligation to remind is to enable the other party to reach the level of knowledge and then make a decision of consent.¹⁷ Moreover, from a legal point of view, if the airline does not actively indicate the general conditions of carriage, passengers will be unaware of the important clauses, resulting in the lack of an agreeable basis for the air transportation contract.

At the specific operational level, it is first necessary to meet the formal reminder requirements. Airlines should use special logos for core content such as disclaimer clauses and limitation clauses, such as red bold font and yellow shading, and maintain a clear distinction from ordinary clauses. Secondly, at the level of substantive knowledge, airlines need to ensure that passengers actually understand the content of the terms through technical means. This includes but is not limited to: (1) splitting the core clauses into independent pop-ups to avoid cognitive overload caused by "information bombardment"; (2) Set

¹⁴ *Dang Si-Chen*. The Legal Effect of the 'Aircraft Aircraft Type Change Exemption Clause' in Airline Transport Conditions[J] // Journal of Shandong Aviation Institute. 2025. № 01. P. 48—59.

¹⁵ *Chen Jie*. (2019, August 31). If the flight is temporarily changed, should the airline refund one and compensate three? Two claims were tried in Xiamen. Taihainet. Retrieved June 25, 2025 // URL: <http://www.taihainet.com/news/xmnews/shms/2019-08-31/2301637.html>.

¹⁶ *The Paper*. (2024, June 20). Passengers bought tickets to experience the C919 but were replaced with an old model to fly, did the airline default? Retrieved July 1, 2025 // URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_27797583.

¹⁷ *Zhao Tong*. On the Entry Control and Effectiveness Control of Standard Clauses: Focusing on Articles 9 and 10 of the Judicial Interpretation of the General Principles of Contract[J] // Law Journal. 2024. № 06. P. 52—71.

a mandatory reading time, and prohibit skipping or checking the consents before the countdown ends; (3) Attach colloquial notes or examples to complex clauses (e.g., liability limits) to ensure that ordinary travelers can understand the legal consequences. The above measures aim to overcome the phenomenon of “click fatigue” in electronic contracts through procedural enforceability and content comprehensibility, and truly achieve the normative purpose of “enough to attract attention”. It should be emphasized that if simple format adjustments (such as changing font color and font size) do not cooperate with the substantive reading guarantee mechanism, the passenger’s click consent cannot be regarded as the airline has fulfilled its reminder obligation.¹⁸

3.2. Compensation for baggage damage should adhere to the concept of fairness and reasonableness

According to Article 824, Paragraph 2 of the Civil Code, if the baggage checked in by a passenger is damaged or lost, the relevant provisions of the cargo carriage contract shall apply. According to article 832 of the contract of carriage, the carrier is not at fault liable for losses in the carriage of the goods, and the carrier may be exempted only if it proves the existence of the exemption provided for in paragraph 2 of this article. In terms of compensation for losses, according to Article 833, Sentence 2 of the Civil Code, the limit of liability for civil air transportation is usually subject to Articles 128 and 129 of the Civil Aviation Law. However, as mentioned earlier, the compensation limit set by the current Civil Aviation Law has seriously lagged behind the needs of the times, forming obvious legal loopholes in the future.¹⁹

It is worth noting that in 2005, our country ratified the Montreal Convention, which established a compensation standard of 1,000 SDRs per passenger, which is higher than the standard set by the General Administration of Civil Aviation but has not been applied in practice for a long time. This situation may change, and Article 133 of the recently released Second Review Draft of the Civil Aviation Law (Revised

Draft) intends to directly introduce the compensation limit of the existing 1,519 SDRs of the Convention.²⁰ This legislative trend has significant demonstrative significance; the substantial increase in compensation amounts directly responds to the practical demands, reflecting a substantive and fair consideration of passengers’ rights and ensuring the actual effectiveness of the compensation function. In the transitional period before the new law is enacted, faced with clearly lagging compensation standards, courts may use the principle of fairness as outlined in Article 6 of the Civil Code to address loopholes in order to protect passengers’ legitimate rights and interests.²¹

3.3. The responsibility for aircraft type change should follow the principle of service standard

Article 821 of the Civil Code stipulates that if the carrier lowers the service standard without authorization, it shall bear the liability for breach of contract. This article is result-oriented, emphasizing that as long as the carrier unilaterally lowers the service standard, it constitutes a defective payment and should bear the responsibility for refunding or reducing the fare. Therefore, the core of determining whether a change of aircraft type is a breach of contract is whether the change substantially reduces the standard of service that passengers would otherwise be entitled to under the contract.²² With the continuous improvement of people’s living standards, there is also a higher demand for the quality of passenger services. The content of air carriage contracts is not limited to safe transportation, but also includes elements such as space comfort, in-flight facilities, service quality, and catering standards related to the aircraft type. This means that the carrier not only has the obligation to safely transport passengers to the agreed destination but also should provide the corresponding level of service as specified in the ticket.

From the perspective of contract formation, when the airline uses a specific aircraft type (such as a wide-body passenger aircraft) as a marketing selling point, or clearly indicates the aircraft type on the booking page, the information has constituted the content of

¹⁸ *Yin Qiu-Shi*. Commentary on Article 496 of the Civil Code (Definition and Subscription Control of Standard Clauses) [J] // China Applied Law. 2022. № 04. P. 222—238.

¹⁹ *Wang Li-Ming*. Methodology of Jurisprudence. Beijing : Renmin University Press, 2012. P. 490—491.

²⁰ Article 133 of the Second Review Draft of the Civil Aviation Law (Revised Draft) stipulates: “The liability of the carrier for losses caused by the destruction, loss or damage of baggage or cargo, or the delay of passengers, baggage and cargo in air transportation shall be limited to the limit of liability determined by the relevant international civil aviation conventions to which our country is a party at the time of the event or delay causing the damage.” Article 22(2) of the Montreal Convention stipulates: “The liability of the carrier shall be limited to the 1519 SDR per passenger in the event of destruction, loss, damage or delay caused in the carriage of baggage, unless the carrier proves that the amount declared by the passenger at the time of delivery of the checked baggage to the carrier is higher than the actual interest of the passenger at the time of delivery at the point of destination”.

²¹ *Liu Shi-Guo*. Legal loopholes and their supplementary methods [J] // National People’s Congress Law Review. 2010. № 01. P. 209—226.

²² *Dang Si-Chen*. The Legal Effect of the Clause on Exemption for Change of Aircraft Type in the Transportation Conditions of Airlines [J] // Journal of Shandong Aviation University. 2025. № 01. P. 48—59.

the offer, and the consumer will form an agreement when the ticket is purchased.²³ In this case, if the carrier unilaterally changes the aircraft model and fails to provide reasonable compensation, it not only constitutes a breach of contract, but also actually damages the contractual rights and interests of consumers. In particular, it should be pointed out that passengers cannot deny their expectations for a reasonable flight experience just because they purchase economy class. There are differences in seat spacing, cabin noise, facilities and services between different types of economy class, and if a narrow-body aircraft is used instead of a wide-body aircraft, even if the cabin remains unchanged, it is a reduction in service standards.

As for airlines, they often invoke the exemption clause in the general conditions of carriage to claim that “the change of aircraft type does not constitute a breach of contract”. From the perspective of industry operations, if airlines are completely prohibited from adjusting aircraft types due to legitimate operational needs, it may indeed affect operational efficiency and increase operating costs. However, the application of this exemption clause should be reasonably limited: first, the general conditions of carriage are typical standard clauses, and if they completely exclude the passenger’s right to claim compensation due to aircraft type changes, it may violate the provisions of Articles 496 to 497 of the Civil Code on the validity of standard clauses. In particular, when an airline makes changes without authorization for purely commercial reasons (such as consolidating flights to reduce operating costs), it constitutes an abuse of the disclaimer. Secondly, in judicial practice, if an airline uses a specific aircraft model as a marketing selling point or clearly marks the aircraft type at the time of contracting, but completely denies the responsibility for changing the aircraft type through the standard clause, essentially excluding the legitimate rights of the passenger, and the passenger has the right to claim that the clause is invalid.²⁴

Conclusion

The legal application of the general conditions of carriage is directly related to the protection of passenger rights and interests and the standardized development of the aviation industry. This paper analyzes the current judicial judgment differences and their causes, and proposes corresponding solutions for three typical disputes in domestic air transport: the validity of standard clauses, the standard of compensation for baggage damages, and the liability for breach of contract by aircraft change.

On the issue of the validity of the standard clauses, Article 10 of the Judicial Interpretation of the General Principles of Contract Preparation should be strictly applied, abandoning the formal review of “checking and agreeing”, and instead emphasizing the dual standards of “conspicuous reminder” and “substantive knowledge” to ensure that passengers truly understand the content of the contract. For baggage damage compensation, the current standard of “compensation by the kilogram” has lagged behind, and the court can make reasonable adjustments in accordance with the principle of fairness in the Civil Code and promote the connection with international standards such as the Montreal Convention. In the dispute over aircraft type change, the core should be whether the service standard is lowered, and the liability for breach of contract should be judged based on the reasonable expectations of passengers, so as to avoid airlines abusing the standard clause to avoid liability. In the future, it is necessary to further balance contract efficiency and fairness through legislative revision, judicial unified discretionary standards and industry self-discipline, improve the legal application system of air transport, effectively protect consumer rights and interests, and promote the healthy development of the air transport market.

REFERENCES

1. *Dang Si-Chen*. The Legal Effect of the ‘Aircraft Type Change Exemption Clause’ in Airline Transport Conditions[J] // Journal of Shandong Aviation Institute. — 2025. — № 01.
2. *Dong Nian-Qing*. Theoretical Interpretation and Practical Investigation of Exemption Clauses: Based on the Analysis of Air Carriage Contracts // Lanzhou Academic Journal. — 2021. — № 12.
3. Interpretation of the Judicial Interpretation of the Civil Code of the People’s Republic of China (Academy of Social Sciences Edition). — Beijing : China Legal Publishing House, 2023.
4. Leading Group for the Implementation of the Civil Code of the Supreme People’s Court. Understanding and Application of the Contract Section of the Civil Code of the People’s Republic of China. — Beijing : People’s Court Press, 2020.

²³ Central Broadcasting Network. (2024, June 20). The airline’s temporary unilateral change of aircraft type was questioned for breach of contract, and consumers need a clear explanation. Tencent News // URL: <https://news.qq.com/rain/a/20240620a01z9B00>.

²⁴ *Wan Jing*. (2024, June 17). “Hang sheep’s heads and sell dog meat”? Is it a breach of contract for airlines to change aircraft models at will? Sina Finance. URL: <https://finance.sina.com.cn/jjxw/2024-06-17/doc-inazacfx9997356.shtml>.

5. *Liu Shi-Guo*. Legal loopholes and their supplementary methods // National People's Congress Law Review. — 2010. — № 01.
6. Second Civil Trial Court of the Supreme People's Court, Research Office. Understanding and Application of the Judicial Interpretation of the General Principles of the Civil Code of the Supreme People's Court. — Beijing : People's Court Press, 2023.
7. *Wang Li-Ming*. Methodology of Jurisprudence. — Beijing : Renmin University Press, 2012.
8. *Xu Di-Yu, Zhang Jia-Yong*. Commentary on the Civil Code of the People's Republic of China (Essentials Edition). — Beijing : Renmin University Press, 2020.
9. *Yang Dai-Xiong*. Commentary on the Pocket Civil Code. — Beijing : China Democracy and Legal System Publishing House, 2022.
10. *Yin Qiu-Shi*. Commentary on Article 496 of the Civil Code (Definition and Control of Standard Contract Terms) // China Applied Law. — 2022. — № 04.
11. *Zhao Tong*. On the Entry Control and Effectiveness Control of Standard Clauses: Focusing on Articles 9 and 10 of the Judicial Interpretation of the General Principles of Contract // Law Journal. — 2024. — № 06.
12. *Zhou Heng-Yu*. Exploration of the Applicable Rules for Standard Clauses in the Civil Code // Legal Application. — 2022. — № 09.

Типологический анализ налоговых положений в неналоговом законодательстве Typological Analysis of Tax Provisions in Non-Tax Legislation

Юэ Хунджу,
доктор междисциплинарных исследований
в области экономики и права, доцент
Хэнаньского университета,
г. Кайфэн, Китай
512403908@qq.com

Сон Чуньюань,
исследователь Китайско-российского совместного центра
сравнительного правоведения при Хэнаньском университете,
г. Кайфэн, Китай
16637855210@163.com

Yue Hongju,
Doctor of Interdisciplinary Studies in Economics and Law,
Associate professor of Henan University,
Kaifeng, China
512403908@qq.com

Song Chunyuan,
Research at Chinese-Russian Center
for Comparative Law, Henan University,
Kaifeng, China
16637855210@163.com

© Юэ Хунджу, Сон Чуньюань, 2026

DOI: 10.17803/2587-9723.2026.9.1.024-033

Аннотация. В законодательных актах Китая, специально не регулирующих налоговые отношения, содержится значительное количество положений, связанных с налогообложением. Однако в отличие от положений налогового законодательства, характеризующегося строгой структурой и институциональной завершенностью, положениям, предусмотренным в неналоговых законах, свойственны разнообразие форм, неопределенность формулировок и широкое делегирование полномочий. В статье исходя из систематического анализа налоговых положений, содержащихся в 290 неналоговых законах, выстраивается типологическая модель, основаниями которой выступают функциональная направленность, предметное содержание и положение нормы в системе законодательства.

Определены основные типы налоговых норм в неналоговом законодательстве и проведено их сопоставление с положениями 16 налоговых законов. Исследование выявило системные проблемы: избыточность законодательного регулирования, несогласованность правоприменительной практики и фрагментарность регулирования. Для их устранения предлагается уточнить сферу применения норм, стандартизировать оговорки о делегировании и обеспечить консолидацию материально-правовых норм. Реализация этих мер будет способствовать совершенствованию налогового законодательства и модернизации налогового управления.

Ключевые слова: неналоговое законодательство, налоговые положения, типология, принцип обязательного налогообложения, налоговое управление

Abstract. A significant number of tax-related provisions are embedded within China's non-tax legislation. However, compared with the structurally rigorous and institutionally complete tax provisions found in tax laws, those in non-tax laws tend to exhibit diverse forms, ambiguous language, and broadly delegated authority. This paper systematically analyzes tax provisions in 290 non-tax laws and constructs a typological framework based on criteria such as functional orientation, substantive content, and legal structural positioning. The analysis identifies the fundamental types of tax provisions in non-tax legislation and compares them with those in 16 formal tax laws. The study reveals common issues including legislative overreach, disjointed enforcement, and regulatory fragmentation. To address these, the paper recommends clarifying the boundaries of application, standardizing authorization clauses, and promoting the consolidation of substantive rules. These measures aim to enhance the tax legislative framework and advance the modernization of tax governance.

Keywords: non-tax legislation, tax provisions, typology, principle of statutory taxation, tax governance

With the ongoing refinement of China's tax law system and the deepening of national governance modernization, the embedding of tax-related provisions in non-tax laws has become increasingly common. These provisions serve as critical junctures connecting the tax system with sectoral governance, and fiscal policy with industry-specific legislation. They reflect a growing trend toward the integration of policy objectives and legal mechanisms, but also expose institutional vulnerabilities. This paper centers on the principle of statutory taxation and adopts a typological perspective to treat tax provisions in non-tax laws as a distinct subject of study. By systematically categorizing tax provisions in 290 non-tax statutes and comparing them with provisions in 16 dedicated tax laws, the study fills a gap in the horizontal application of the statutory taxation principle across different legal domains. The recommendations presented aim to assist legislators, enforcement authorities, and oversight bodies in maintaining appropriate legal boundaries and adherence to the rule of law. Ultimately, the paper seeks to ensure that tax measures are aligned with both national development needs and constitutional mandates, thereby achieving a balance between lawful taxation and effective macroeconomic governance.

1. Systematic Analysis and Comparison of Tax Provisions

1.1. Typologies of Tax Provisions in Non-Tax Legislation

First Category: Tax Administration Provisions. This category includes two subtypes: (1) Legislative authority provisions, which define the boundaries for tax imposition. Examples include Article 11 of the Legislation Law of the People's Republic of China, as well as delegated authorization clauses such as Article 29 of the Budget Law and Article 53 of the

Customs Law. (2) Implementation-oriented provisions, which regulate tax collection or exemption. For instance, Article 41 of the State Compensation Law and Article 52 of the Legal Aid Law contain clauses exempting certain actions from taxation. Meanwhile, provisions such as Article 56 of the 2018 Amendment to the Constitution and Article 6 of the Law on State-Owned Industrial Enterprises (2009 Revision) stipulate positive obligations to pay taxes. Typical phrases include: "XX shall pay taxes in accordance with the law," "XX has the obligation to pay taxes in accordance with the law," and "XX shall bear the obligation to pay taxes in accordance with the provisions of laws and administrative regulations."

Second category: Policy-Oriented Provisions. This category includes: (1) Tax incentive provisions, which form the majority — spanning 104 clauses across 53 laws. These clauses utilize preferential tax treatment or supportive fiscal measures to promote national strategies, industrial growth, regional revitalization, or social development objectives¹. They reflect the deep integration of taxation as a policy instrument within broader legal frameworks. (2) Prohibitory or restrictive provisions, found in 27 clauses across 9 laws. These function as legal "red lines" by defining illicit activities, authorizing enforcement powers, imposing severe penalties, and revoking tax benefits to deter misuse — thereby playing a vital role in safeguarding national fiscal security.²

Third category: Procedural and Coordination Provisions. This category consists of: (1) Administrative and judicial coordination provisions, including referral and inter-agency cooperation clauses — 14 in total, across 14 statutes. Referral provisions define obligations such as tax withholding or designate the legal basis for tax actions; cooperation clauses require tax authorities to engage in information sharing, joint regulation, or enforcement collaboration with other governmental bodies. (2) Procedural provisions, comprising 46 clauses across 29 laws, which fall into

¹ Liu Jianwen. Legal Reflections and Institutional Optimization of Personal Income Tax under the Principle of Fair Distribution [J] // Law Review. 2025. № 43 (04). P. 1—12.

² Chen Jinlin. Thirty Years of Tax Crime Governance: The Expansion and Contraction of Typical Statutory Offenses [J] // Law Review. 2025. № 43 (02). P. 62—72.

three types: Processing procedures — regulating application processes, timeframes, and preconditions; Tax calculation — defining the priority of tax liabilities in debt settlements and outlining computational rules; Explanatory provisions — clarifying the policy function, evidentiary role, or disclosure requirements related to taxation. While these provisions do not impose or design new taxes, they function by embedding tax-related elements into broader legal procedures — such as in cases involving guarantees or customs clearance — thus ensuring legal completeness and enhancing both the stability and traceability of tax obligations.

Fourth category: Special provisions. These provisions typically appear in the context of special administrative regions, ethnic autonomous regions, consular affairs, or diplomatic missions. They frequently address unique tax regimes, exemptions, or jurisdiction-specific rules for tax applicability.

1.2. Common Features Between Tax Provisions in Non-Tax Laws and Those in Tax Laws

Although non-tax legislation is not primarily designed to establish tax systems, the tax-related provisions it contains exhibit several structural commonalities with those found in formal tax laws. These commonalities are evident in three key dimensions: authority logic, normative classification, and institutional function. First, the tax-related provisions in both legal categories are grounded in a consistent logic of legislative authority. The establishment, adjustment, and collection of tax matters must be enacted by the National People's Congress and its Standing Committee, or legally authorized to the State Council, as stipulated in Article 11 of the Legislation Law. In tax laws, this principle is explicitly reflected in foundational statutes such as the Tax Collection and Administration Law and the Value-Added Tax

Law. While non-tax laws tend to express tax-related matters in a more policy-oriented manner, they nonetheless adhere to the premise of “enjoyment in accordance with the law,” thereby implicitly recognizing the authority framework established by tax law. Second, the two types of provisions share a consistent logic of normative classification. Whether embedded in tax or non-tax legislation, tax-related clauses can generally be grouped into four categories based on their functional roles: Dispositive provisions, which establish tax obligations by defining elements such as tax categories, rates, subjects, and collection stages; Policy-oriented provisions, which aim to achieve policy goals through tax incentives or penalties; Procedural provisions, which regulate tax collection processes and enforcement mechanisms; Special provisions, which address exceptional cases or particular jurisdictions. Third, both tax laws and non-tax laws exhibit functional synergy in terms of institutional objectives and governance goals. As a key instrument of state governance, taxation fulfills multiple core roles — namely, revenue generation, economic regulation, and the promotion of social equity. While the two legal frameworks may approach these objectives through different legislative pathways, their underlying intent often converges on advancing the public interest and supporting macro-level policy implementation. In tax law, this is achieved through mechanisms such as preferential tax rates, additional deductions, and periodic exemptions that promote high-tech industries, green energy, and public welfare sectors.³ In non-tax legislation, tax provisions frequently serve as complementary tools for public service delivery and social governance, such as encouraging charitable donations, supporting disadvantaged groups, or incentivizing regional development. Despite their formal differences, both forms of regulation reflect a high degree of consistency in their policy logic.

1.3. Analysis of Differences Between Non-Tax Law Tax Provisions and Tax Law Provision

Comparative Analysis of Differences Across Dimensions

Dimension	Comparison Item	Non-Tax Law Tax Provisions	Tax Law Provisions
Functional Role	Purpose of Provisions	Primarily serve as policy declarations, such as “tax incentives shall be enjoyed in accordance with the law”	Primarily establish substantive rules that clearly define tax obligations
	Regulatory Intent	Emphasize supportive, encouraging, and guiding language	Emphasize mandatory, regulatory, and constraining logic
Regulatory Density	Expression Style	Employ flexible language such as “may” or “in accordance with the law”	Use rigid formulations such as “shall” and “shall not”
	Provision Structure	Often appear as supplementary or incentive clauses	Typically appear as independent chapters or core legal provisions
Enforceability	Applicability Standards	No unified standards; rely on administrative interpretation	Clearly defined rules for calculation and collection

³ Gu Cheng, Wang Qian. A Review of Tax Theory Research in 2022 [J] // Tax Research. 2023. № 03. P. 25—33.

Dimension	Comparison Item	Non-Tax Law Tax Provisions	Tax Law Provisions
	Dispute Resolution	Lack explicit procedural foundations; depend on ad hoc coordination in practice	Equipped with complete administrative reconsideration and judicial relief mechanisms
Regional Scope	Application Scope	Often apply only to specific regions or targeted groups	Uniformly applicable nationwide, with clearly defined applicability boundaries
	Exceptions	Commonly allow for franchises, special zones, or exemptions	Exceptions are only permitted under specific legal provisions
Legislative Basis	Legal Foundation	Derived from departmental laws, often serving as supplementary clauses	Based on Article 11 of the Legislation Law; enacted by the NPC or its Standing Committee
	Authorization Level	Typically authorized by State Council or ministry-level normative documents	Often authorize the State Council to issue implementing rules, subject to legal filing requirements
Implementation	Enforcement Mechanism	Executed by competent authorities with high discretion	Enforced by tax authorities under a comprehensive legal framework
	Supporting Regulations	Lacks a complete institutional framework; enforcement tends to be fragmented	Supported by Tax Administration Law and related implementation guidelines
Discretionary Power	Flexibility of Interpretation	Wide room for interpretation; enforcement discretion is high	Interpretation is limited and strictly regulated
	Subject Applicability	Mostly targeted at specific natural persons or enterprises	Universally applicable to all taxpayers with uniform criteria

The differences between tax provisions in non-tax laws and those in tax laws reflect not only the divergence in legislative purposes but also expose a lack of systemic alignment in China's current tax legal framework. To advance tax governance modernization, it is essential to institutionalize and standardize tax-related provisions within non-tax laws. This includes upgrading legislative authority, improving enforcement mechanisms, enhancing operational feasibility, and promoting integration with the tax law system through legal interpretation and judicial practice.

2. Analysis of Issues with Tax Provisions in Non-Tax Laws

2.1. Conflict Between Tax Content and the Principle of Tax Legality

This conflict is primarily reflected in how differing densities of legal norms impact the principle of tax legality. According to Article 11 of the Legislation Law,⁴ major tax elements — such as the establishment of

tax categories, determination of tax obligations, and tax rates — must be stipulated by law, highlighting the foundational role of the principle of tax legality in China's tax system. Among the 290 existing non-tax laws, there are already several hundred provisions involving tax-related content. Many of these provisions establish tax obligations or grant preferential treatment indirectly, through means such as “authorization,” “guiding provisions,” or “ancillary clauses,” thus forming what is referred to as an “implicit tax regime.”

Article 86 of the Charity Law states that “charitable organizations and their income shall enjoy tax incentives in accordance with the law.”⁵ This authorization is highly abstract and vague: it neither specifies the tax types, forms of incentives, nor the eligibility criteria. Instead, it merely offers a blanket statement that “tax incentives shall be enjoyed in accordance with the law.” In practice, many of the tax incentives enjoyed by charitable organizations are not determined by law.⁶ For example, qualification for tax-exempt status, exemption of donation income, and tax exemption on self-owned real estate and land

⁴ Article 11, paragraph 6, of the Legislative Law of the People's Republic of China [as amended in 2023]: Only laws may be enacted on the following matters: (f) the basic system of taxation, such as the establishment of tax types, the determination of tax rates and the administration of tax collection.

⁵ Article 86 of the Charity Law: Charitable organisations and the income they obtain are entitled to tax incentives in accordance with the law.

⁶ *Gong Puguang*. Promoting High-Quality Development of Charitable Causes in the New Era Through Good Laws and Governance: A Retrospective and Outlook on the Revision of the Charity Law [J] // *Social Policy Research*. 2024. № 3. P. 3—14.

are almost entirely governed by the Implementing Regulations of the Enterprise Income Tax Law, an administrative regulation. Such “blank” or “sweeping” authorizations seriously violate the clarity requirement of the tax legality principle, undermining both the rule of law and taxpayer reliance interests.

Article 50 of the Law of the People’s Republic of China on Science and Technology Popularization (2024 Revision)—which states that “the state shall implement tax incentives for science and technology popularization in accordance with the law”⁷ — presents similar, if not more serious, issues. Initially, science popularization tax incentives were supported mainly by normative documents. For example, in 2003, five ministries including the Ministry of Finance, State Administration of Taxation, and Ministry of Science and Technology jointly issued the Tax Incentive Policies for Encouraging the Development of Science Popularization, which exempted ticket revenues from science museums, natural history museums, planetariums, meteorological stations, seismological stations, and science popularization bases at universities and research institutions, as well as from science activities organized by county-level or higher Party and government agencies and the China Association for Science and Technology, from business tax.⁸ After the “business tax to VAT” reform, [2016] No. 78 by the Ministry of Finance and the State Administration of Taxation continued this exemption under the VAT system. Although this document has since been repealed, the incentives have been renewed repeatedly. The most recent regulation, Announcement No. 60 (2023) by the Ministry of Finance and the State Administration of Taxation, continues the VAT exemption on ticket revenues from science popularization units and activities until the end of 2027.⁹ The statutory expression “the state shall

implement tax incentives for science and technology popularization in accordance with the law” fails to clarify the eligible entities, the scope of beneficiaries, or the specific qualifications or conditions required. Most crucially, the reference to “in accordance with the law” is ambiguous — it does not identify the specific law nor limit its legal hierarchy. This opens broad space for lower-level laws, particularly administrative regulations and normative documents, to define the core tax elements, thereby weakening the legislature’s control over taxation.

2.2. Abuse of Delegated Provisions and Lack of Enforceability

The abuse of delegated provisions is primarily reflected in the legal framework characterized by “overly broad authorization and weak procedural safeguards.” Numerous provisions in non-tax laws delegate authority using vague expressions such as “the State Council shall formulate specific measures” or “shall be otherwise prescribed by law,” yet most fail to specify the timeline for implementation, procedural standards, or mechanisms for accountability.¹⁰

Article 38 of the Film Industry Promotion Law authorizes the State Council to formulate specific tax incentive policies.¹¹ However, since the law came into force in 2017, the State Council has not issued any corresponding regulations, and only a few local governments have introduced supporting policies. For instance: The Haikou Municipal Government in Hainan Province issued the Several Provisions on Promoting the Development of the Film and Television Industry in Haikou, which provides graded rewards to film and television enterprises based on their contributions to local public finances;¹² In June 2025, Guangdong Province issued the Several Policies on Promoting the High-Quality Development of the An-

⁷ Article 50 of the Law of the People’s Republic of China on Popularisation of Science and Technology (Revised 2024): The State shall, in accordance with the law, provide tax incentives for the popularisation of science and technology.

⁸ Ministry of Science and Technology of the People’s Republic of China . Circular of the Ministry of Finance, State Administration of Taxation, General Administration of Customs, Ministry of Science and Technology, and General Administration of Press and Publication on Tax Policy Issues Regarding Encouraging the Development of Science and Technology Cai Shui [2003] No. 55 [EB/OL] [2003-05-08] [2025-07-21] // URL: https://www.most.gov.cn/xxgk/xinxifenlei/fdzdgknr/fgzc/gfxwj/gfxwj2010before/200512/t20051214_143314.html.

⁹ Ministry of Finance of the People’s Republic of China. Announcement on the Renewal of the Implementation of Preferential VAT Policies on Propaganda and Culture [EB/OL] [2024-09-22] [2025-07-21] // URL: https://szs.mof.gov.cn/zhengcefabu/202309/t20230926_3909095.htm.

¹⁰ Xiong Wei. The Systemic Construction and Practical Pathways for Fully Implementing the Principle of Tax Legality [J] // Chinese Journal of Law. 2025. № 03. P. 5—23.

¹¹ Article 38 of the Law on the Promotion of the Film Industry: The State shall implement the necessary tax incentives to promote the development of the film industry, and the specific measures shall be formulated by the competent department of finance and taxation under the State Council in accordance with the provisions of tax laws and administrative regulations.

¹² Haikou Municipal People’s Government. Notice of the People’s Government of Haikou City on the Issuance of Several Provisions on Promoting the Development of the Film and Television Industry in Haikou City (Haifu Regulation [2020] No. 2) [EB/OL][2020-05-08][2025-07-21] // URL: <https://www.haikou.gov.cn/xxgk/szfbjxxgk/zcfg/fzsz/202005/t410954.shtml>.

imation and Film Industry;¹³ In July 2025, Chongqing Municipality issued the Several Incentive Policies on Supporting the High-Quality Development of the Science and Technology Film Industry, allowing film and cultural enterprises to benefit from the “Western Development” tax policy, with a reduced corporate income tax rate of 15%.¹⁴ Beyond these examples, no other relevant implementation documents have been released. The current policy implementation path mainly relies on agencies such as the Ministry of Finance and the State Taxation Administration, which issue specific policies through administrative rules and notices. While this approach has provided some degree of tax and fiscal support for key segments like production, distribution, and exhibition, the low legal hierarchy of such instruments, their narrow scope of application, and the absence of clear statutory delegation have led to a fragmented and temporary regulatory structure. This, in turn, undermines long-term policy stability and predictability, resulting in inconsistent application across regions, substantial variation in local implementation standards, and growing regional disparities in industrial development. These inconsistencies further weaken the overall effectiveness of central government policy incentives.

The widespread use of such delegated provisions in non-tax legislation also raises serious enforceability concerns. Legislatures often transfer the responsibility for rulemaking to the State Council or relevant administrative authorities. However, in the absence of clear limits on delegation, procedural requirements, deadlines, or accountability mechanisms,¹⁵ these pro-

visions frequently fail to result in concrete and operable subordinate rules. Consequently, when rights are infringed, affected parties often find it difficult to assert claims or initiate administrative review or litigation based on such vague provisions. This leads to a regulatory vacuum in which authority is granted without normative guidance, and rules exist without accompanying remedies.

2.3. Fragmented provisions hinder system integration

In applying the tax registration system, Article 11 of the E-Commerce Law¹⁶ and Article 15 of the Tax Collection¹⁷ and Administration Law intersect in terms of their authorization mechanisms. Article 11 of the E-Commerce Law establishes the tax registration obligations of unregistered e-commerce operators, which appears to be supplementary legislation to Article 15 of the Tax Collection and Administration Law, intended to address regulatory gaps in the digital economy. However, from the perspective of legislative structure and authorization logic, this approach effectively constitutes a “preemptive replacement” of the existing authorization pathway: Article 15 of the Tax Collection and Administration Law explicitly authorizes the State Council to stipulate tax registration matters for non-business license entities. While this authorization is not exclusive, it does not explicitly authorize the Standing Committee of the National People’s Congress to intervene directly without amending the foundational legislation. According to the principles of legislative authority allocation under Articles 10¹⁸ and 13 of the Legislation

¹³ People’s Government of Guangdong Province. Guangdong Issues Several Policies and Measures on Promoting the High-Quality Development of Guangdong’s Animation, Film and Television Industry [EB/OL] [2025-05-22] [2025-07-21] // URL: https://www.gd.gov.cn/zwgk/zcjd/snzcsd/content/post_4714662.html.

¹⁴ Chongqing Finance Bureau. Chongqing Daily | Chongqing introduces incentives to support the development of the whole industry chain of science and technology film and television [EB/OL][2025-07-07][2025-07-21] // URL: https://czj.cq.gov.cn/zwx_268/czdt/cjsd/202507/t20250707_14791694.html.

¹⁵ Wu Siyuan. A Systematic Reflection and Optimization of Authorized Legislation in China [J] // Journal of Shanghai University (Social Sciences Edition), 2025. 42. № 04. P. 29–42.

¹⁶ Article 11 of the Law of the People’s Republic of China on Electronic Commerce: E-commerce operators shall fulfill their tax obligations in accordance with the law and enjoy tax benefits in accordance with the law. E-commerce operators who are not required to register as market entities in accordance with the provisions of the preceding article shall, after the occurrence of their first tax obligation, apply for tax registration in accordance with the provisions of the laws and administrative regulations on tax collection and management, and truthfully declare their taxes.

¹⁷ Article 15 of the Law on the Administration of Taxation: Enterprises, branches of enterprises set up outside the country and premises engaged in production or business, individual businessmen and institutions engaged in production or business (hereinafter collectively referred to as taxpayers engaged in production or business) shall, within 30 days from the date of receipt of their business licenses, make a declaration to the tax authorities for registration of their tax affairs, holding the relevant documents. The tax authorities shall register and issue tax registration documents on the same day they receive the declaration. The administrative authorities for industry and commerce shall inform the tax authorities on a regular basis of the registration and issuance of business licenses. The scope and methods for taxpayers other than those provided for in the first paragraph of this article to apply for tax registration and for withholding agents to apply for registration to withhold taxes shall be prescribed by the State Council.

¹⁸ Article 10 of the Legislative Law: The National People’s Congress and the Standing Committee of the National People’s Congress exercise the legislative power of the State in accordance with the provisions of the Constitution. The National People’s Congress enacts and amends criminal, civil, State institutional and other basic laws. The Standing Committee

Law,¹⁹ authorization decisions must clearly define their purpose, scope, and duration. The legislative body's "reverse setting" of matters already clearly authorized does not constitute an overreach of authority but raises issues of procedural rationality. While the "pre-emptive substitution" legislative practice has filled governance gaps, it has also exposed three structural defects in the system's operation: first, the absence of legislative interpretation. The State Council and its competent authorities have not issued formal documents on the relationship between the two laws, leading to inconsistent application standards by local tax authorities in determining registration obligations and a lack of unified legal basis; second, the issue of inverted hierarchical structure is prominent. In practice, taxpayers' tax registration is primarily based on departmental regulations such as the "Tax Registration Administration Measures" and the "Natural Person Tax Filing Operational Guidelines," rather than directly on legal provisions, creating a factual inversion in which "regulations supersede statutes," violating the fundamental principles of legal hierarchy stipulated in Article 80 of the Legislation Law. Third, fragmented enforcement has intensified, further amplifying administrative discretion and undermining the uniformity and fairness of the tax system.

Article 86 of the Charity Law²⁰ requires that "tax incentives be enjoyed in accordance with the law," reflecting the state's institutional orientation of encouraging charitable behavior and safeguarding the tax rights of charitable organizations. The term "in

accordance with the law" used in this provision has a clear authorizing and guiding nature, and its specific application must rely on explicit provisions in relevant tax laws. Regarding corporate donations, Article 9 of the Enterprise Income Tax Law,²¹ sets a rigid limit of "up to 12% of annual profit total may be deducted, with excess amounts carried forward for three years", effectively establishing an upper limit for pre-tax deductions. Such institutional arrangements have created certain tensions in practice: on the one hand, the Charity Law aims to expand the scale of charitable resource mobilization through tax incentives; on the other hand, the deduction ratio restrictions under the Enterprise Income Tax Law may suppress corporate donation enthusiasm in practical implementation. Take the Alibaba Public Welfare Foundation as an example. Its donation expenditures in 2020 exceeded 1.5 billion yuan,²² far exceeding the 12% pre-tax deduction ratio of its profit total. The excess donations can only be carried forward annually over the next three years, which to some extent weakens the company's willingness to make immediate charitable contributions. It must be noted that Article 86 of the Charity Law does not have the effect of overriding the substantive provisions of the Enterprise Income Tax Law. The phrase "enjoying tax benefits in accordance with the law" should be understood as applying within the scope authorized by tax law. Therefore, the contradiction between "promoting institutional objectives" and "substantive tax constraints" reveals that the current tax legal system still lacks sufficient coordination.

of the National People's Congress enacts and amends laws other than those which should be enacted by the National People's Congress; when the National People's Congress is not in session, it makes some additions to and amendments of laws enacted by the National People's Congress, provided that they do not conflict with the basic principles of the law. The National People's Congress may authorize the Standing Committee of the National People's Congress to enact relevant laws.

¹⁹ Article 13 of the Legislative Law: An authorization decision shall specify the purpose, matters, scope and duration of the authorization, as well as the principles to be followed by the authorized organ in implementing the authorization decision. The duration of the authorization shall not exceed five years, unless otherwise provided for in the authorization decision. Six months before the expiry of the term of authorization, the authorized organ shall report to the authorizing organ on the implementation of the authorization decision and submit an opinion on the need to enact the relevant law; where continued authorization is needed, it may submit a relevant opinion for decision by the National People's Congress and its Standing Committee.

²⁰ Article 86 of the Charity Law: Charitable organisations and the income they obtain are entitled to tax incentives in accordance with the law.

²¹ Article 9 of the Enterprise Income Tax Law: Expenditures for public welfare donations incurred by enterprises are allowed to be deducted from the calculation of taxable income up to 12 per cent of the total annual profit; the portion exceeding 12 per cent of the total annual profit is allowed to be carried forward and deducted from the calculation of taxable income within the next three years.

²² Alibaba Public Welfare Foundation. 2020 Major Fund Expenditures [EB/OL][2025-07-22] // URL: <http://www.alijijinhui.org/disclosure/info/expenditure/2020>.

3. Concrete Optimization Pathways for Tax Provisions in Non-Tax Legislation

3.1. Clarify Application Boundaries and Establish a Pre-Legislative Review Mechanism for Tax Provisions

A fundamental principle should be established whereby core tax elements are to be exclusively prescribed by tax legislation.²³ Core tax elements such as the establishment of tax types, tax bases, taxpayer identification, application of tax rates, and collection procedures should only be stipulated by tax laws enacted by the National People's Congress and its Standing Committee. Non-tax legislation must not implicitly impose tax obligations or define tax exemptions through ambiguous expressions or policy-laden language. At the same time, explore the creation of a "negative list" mechanism for tax elements as an institutionalized instrument to delineate the limits of legislative authority. This list should be led by the Finance and Economics Committee of the National People's Congress and revised in collaboration with the Ministry of Finance and the State Taxation Administration, clearly listing tax matters that non-tax laws are prohibited from creating, such as establishing new tax types, setting new ranges for tax exemptions or reductions, expanding the scope of tax incentives, or authorizing local authorities to reinterpret core elements of the tax system. The list should be updated regularly in tandem with the progress of fiscal budget compilation, establishing a dual-track operational mechanism combining "list-based authority constraints" and "case interpretations" to provide legislative bodies with operational boundary references.

Additionally, a systematic pre-review mechanism should be established,²⁴ a systematic pre-legislative review mechanism should be instituted to shift the principle of tax legality from a static procedural commitment to a model of dynamic institutional coordination. It is recommended to establish a Joint Review Office for Tax-Related Provisions to conduct substantive evaluations of all legislative drafts involving tax issues, and to implement a structured "three-tier review" framework. First, if provisions involve constituent elements such as tax types, tax rates, taxpayers, or tax bases, they should be prohibited from being established in non-tax laws; Second, if the provisions pertain to tax incentives, they should be subject to a validity period and accompanied by

a performance evaluation mechanism; Third, if the provisions involve procedural rules such as reporting and collection, they should be structurally compatible with the Tax Administration Law to prevent duplication or conflicts.

3.2. Establish Standardized Norms for Tax Authorization

The widespread presence of delegated provisions in non-tax laws constitutes a key structural problem, resulting in implementation stagnation and an imbalance of powers and responsibilities. While authorization provisions are necessary in institutional design, they must not be overly broad, ambiguous, or subject to abuse.²⁵ To standardize the logic of authorization, define the scope of implementation, and enhance the controllability of the rule of law, it is urgent to establish a systematic "standardized system for authorization provisions." Therefore, all tax-related authorization provisions in non-tax laws should follow a unified model that clearly defines four key elements: the authorizing body, scope of authorization, procedural steps, and time limits,²⁶ and establishing a responsibility mechanism for failure to formulate implementation regulations within the specified timeframe or for the abuse of authorization. Additionally, the scope of authorization content and entities should be limited. Vaguely formulated phrases such as "implementing necessary tax policy support" should be clarified, allowing only specific, already established tax types to be detailed within their legislative authorization scope; The authorizing authority should be confined to the Ministry of Finance and the State Taxation Administration under the State Council, and should not be vaguely directed at relevant departments or local governments. To prevent authorization provisions from becoming obsolete or ineffective, a dynamic review mechanism accompanied by retrospective revisions should be instituted. Authorization clauses that have not issued implementing regulations after implementation or whose regulations lack performance should be included in the "legislative cleanup" process. The Ministry of Finance and the Legislative Affairs Commission of the National People's Congress may jointly conduct an assessment of the implementation of tax-related authorization clauses in current non-tax laws every two years, producing a "recommendation list for the rectification of authorization clauses." For authorization clauses that have not been implemented with

²³ Liu Jianwen, Chen Lijiao. The Logic and Pathways of Tax Law in Promoting the High-Quality Development of the Private Economy [J] // Learning and Practice. 2025. № 06. P. 24—34.

²⁴ Ye Jinyu. The Unity of Order and Systemic Advancement of Administrative Approval Clauses in Tax Law [J] // Law and Business Research. 2024. № 41 (06). P. 151—166.

²⁵ Zhou Bo, Zhang Aixue. China's Tax System Reform: Successful Experiences, Challenges, and Prospects for Future Reforms [J/OL] // Journal of Guizhou University of Finance and Economics. 1—9.

²⁶ Zhang Wansu. The Practical Advancement from Tax Legality to Tax Rule of Law: Centered on Further Implementing the Principle of Tax Legality [J] // Legal Studies. 2023. № 45 (01). P. 162—178.

detailed regulations, lack performance, or are clearly abused, recommendations for revision, abolition, or replacement should be proposed and incorporated into the regular “legislative cleanup” process to ensure that the logic of authorization returns to rationality and that the implementation of laws does not fail or deviate from their intended purpose.

3.3. Promoting the Consolidation of Substantive Rules

Tax codification, as the ultimate path for institutional integration and legal system restructuring, carries significant legal and normative value. However, its implementation is currently hindered by the slow progress of the revision of the Tax Collection and Administration Law and the severe fragmentation across tax-related provisions. Therefore, a pre-codification approach should be adopted by gradually building a sub-database of tax-related provisions in non-tax laws, categorized by topics such as budget management, registration procedures, preferential policies, and coordination of tax administration. This sub-database would serve as a practical foundation for structuring future chapters in the codified tax law. For instance, the removal of the pre-payment requirement in tax appeals, as proposed in the draft revision of the Law of the People’s Republic of China on the Administration of Tax Collection, is a representative example of procedural optimization. Similar institutional innovations can be prioritized in the non-tax domain, such as the establishment of dispute coordination mechanisms, clause interpretation databases, and local pilot platforms. These not only respond to real-world demands but also accumulate empirical data and institutional prototypes for future codification.²⁷

For tax incentive provisions frequently found in non-tax laws, a hub clause for tax incentives could be introduced in the Tax Collection and Administration Law.²⁸ This hub clause would stipulate that any measure involving tax exemptions or reductions must be implemented strictly within the framework of tax laws or under properly delegated legislative authority. It should also define corresponding record-filing or review procedures, thereby creating a legal “master switch” that governs scattered preferential policies and ensures that administrative authorities implement them in accordance with clear legal norms and procedures. At the same time, the legislative expression of such provisions should be standardized by creating tax clause templates across non-tax laws.

For areas that require tax-related support, legal texts should adopt consistent terminology with clearly defined preconditions, avoiding inconsistency and ambiguous wording. This harmonization of legislative language would enhance the coordination of tax provisions across different legal instruments and promote a more unified legal order. This approach would ultimately absorb fragmented tax incentive provisions scattered throughout non-tax laws into a codified, coherent legal structure, thus addressing the fundamental issue of disjointed tax legislation.

4. Conclusion

Amid China’s accelerated efforts to advance the rule of law in taxation and modernize national governance, the embedding of tax-related provisions in non-tax legislation has become an increasingly common phenomenon. These provisions, serving as crucial points of connection between the tax system and sectoral governance, carry certain significance in terms of institutional innovation. However, they still exhibit considerable deficiencies in legislative logic and structural coherence. This paper classifies the core types of tax-related provisions found in non-tax laws and conducts a comparative analysis with normative clauses in tax legislation to identify key differences and commonalities. The findings highlight widespread issues, including legislative overreach, disconnection in implementation, and the fragmentation of legal provisions. In response, this study proposes three tiers of optimization strategies: Clarify the scope of application of tax-related provisions in non-tax laws to ensure the exclusivity and precision of their institutional function; Standardize the formulation of authorization clauses to avoid administrative arbitrariness and legal uncertainty arising from overly broad delegations of authority; Promote the legislative-level integration of tax rules to enhance the internal logic and practical applicability of the overall legal framework. Overall, this typological analysis of tax-related provisions in non-tax legislation not only addresses a longstanding gap in the horizontal application of the principle of tax legality, but also provides legislators and law enforcers with a structured reference for the drafting and application of such clauses — ultimately supporting the steady enhancement of tax governance capacity under the rule of law.

²⁷ Zhai Jiguang, Ou Yuanyuan. A Review of Tax Rule of Law Research in 2024 [J] // Tax Research. 2025. № 03. P. 23—30.

²⁸ Ye Jinyu. Legal Reflections on Tax Preferential Provisions in Non-Tax Laws and Legislative Coordination [J] // Law. 2024. № 9. P. 156—176.

REFERENCES

1. *Chen Jinlin*. Thirty Years of Tax Crime Governance: The Expansion and Contraction of Typical Statutory Offenses [J] // *Law Review*. — 2025. — № 43 (02). — P. 62—72.
2. *Gong Puguang*. Promoting High-Quality Development of Charitable Causes in the New Era Through Good Laws and Governance: A Retrospective and Outlook on the Revision of the Charity Law [J] // *Social Policy Research*. — 2024. — № 03. — P. 3—14+131.
3. *Gu Cheng, Wang Qian*. A Review of Tax Theory Research in 2022 [J] // *Tax Research*. — 2023. — № 03. — P. 25—33.
4. *Liu Jianwen, Chen Lijiao*. The Logic and Pathways of Tax Law in Promoting the High-Quality Development of the Private Economy [J] // *Learning and Practice*. — 2025. — № 06. — P. 24—34+2.
5. *Liu Jianwen*. Legal Reflections and Institutional Optimization of Personal Income Tax under the Principle of Fair Distribution [J] // *Law Review*. — 2025. — № 43 (04). — P. 1—12.
6. *Wu Siyuan*. A Systematic Reflection and Optimization of Authorized Legislation in China [J] // *Journal of Shanghai University (Social Sciences Edition)*. — 2025. — № 42 (04). — P. 29—42.
7. *Xiong Wei*. The Systemic Construction and Practical Pathways for Fully Implementing the Principle of Tax Legality [J] // *Chinese Journal of Law*. — 2025. — № 03. — P. 5—23.
8. *Ye Jinyu*. Legal Reflections on Tax Preferential Provisions in Non-Tax Laws and Legislative Coordination [J] // *Law*. — 2024. — № 9. — P. 156—176.
9. *Ye Jinyu*. The Unity of Order and Systemic Advancement of Administrative Approval Clauses in Tax Law [J] // *Law and Business Research*. — 2024. — № 41 (06). — P. 151—166.
10. *Zhai Jiguang, Ou Yuanyuan*. A Review of Tax Rule of Law Research in 2024 [J] // *Tax Research*. — 2025. — № 03. — P. 23—30.
11. *Zhang Wansu*. The Practical Advancement from Tax Legality to Tax Rule of Law: Centered on Further Implementing the Principle of Tax Legality [J] // *Legal Studies*. — 2023. — № 45 (01). — P. 162—178.
12. *Zhou Bo, Zhang Aixue*. China's Tax System Reform: Successful Experiences, Challenges, and Prospects for Future Reforms [J/OL] // *Journal of Guizhou University of Finance and Economics*. — P. 1—9.

Анализ различий моделей договорной ответственности в Китае и России в контексте изменений в российском законодательстве 2025 г., касающихся просроченной оплаты по договорам закупки

An Analysis of Differences in Sino-Russian Contract Liability Models from the Perspective of Russia's 2025 New Regulations on Late Payment in Procurement Contracts

Ду Сяосяо,
аспирант,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия
xiaoxiao38651875@gmail.com

Du Xiaoxiao,
PhD Candidate,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia
xiaoxiao38651875@gmail.com

© Ду Сяосяо, 2026

DOI: 10.17803/2587-9723.2026.9.1.034-038

Аннотация. В декабре 2025 г. Государственная Дума Российской Федерации внесла поправки в Кодекс РФ об административных правонарушениях, расширив сферу применения административной ответственности за просроченную оплату по договорам закупки с субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) на всех поставщиков. В качестве отправной точки исследования в статье проводится сравнительный анализ моделей договорной ответственности в Китае и России. Установлено, что в Китае применяется единая модель частноправовой ответственности, ориентированная на гражданско-правовое возмещение и автономию воли сторон, тогда как в России сформирована двухуровневая модель ответственности, сочетающая частное и публичное право, в рамках которой просроченная оплата квалифицируется одновременно как нарушение договора, влекущее гражданско-правовую ответственность, и административное правонарушение. Понимание указанных различий имеет существенное значение для китайских трансграничных предприятий в аспекте обеспечения соблюдения законодательства и управления рисками.

Ключевые слова: просроченная оплата, договорная ответственность, публичное право, частное право, административная ответственность, трансграничное соблюдение законодательства

Abstract. In December 2025, Russia's State Duma amended the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, extending administrative liability for late payment under procurement contracts from small and medium-sized enterprises (SMEs) to all suppliers. Taking this reform as an entry point, this paper compares Sino-Russian contractual liability models and finds that China adopts a unitary a private-law liability model focusing on civil compensation and party autonomy, while Russia establishes a dual-track liability model that combines private and public law, defining late payment as both civil breach and administrative offence. Understanding these differences is crucial for the compliance and risk control of Chinese cross-border enterprises.

Keywords: late payment, contract liability, public law, private law, administrative liability, cross-border compliance

1. Introduction

In December 2025, Russia's State Duma amended the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, extending administrative liability for late payment in state and municipal procurement contracts from small and medium-sized enterprises (SMEs) to all business entities. According to the bill, the person in charge of the violating purchasing party shall be fined 30,000 to 50,000 rubles, and the legal entity shall be fined 50,000 to 100,000 rubles.¹ This amendment touches on the fundamental issue of the nature of contractual liability. This paper conducts research from both theoretical and practical perspectives: at the theoretical level, by comparing the contractual liability models of China and Russia, it deepens the understanding of the legal traditions of the two countries; at the practical level, facing the continuously deepening Sino-Russian economic and trade cooperation (the trade volume in 2024 reached USD 244.8 billion),² accurately grasping the opportunities and risks brought by the new regulations is a prerequisite for enterprises to effectively control cross-border contractual risks. This paper adopts the research method of comparative law, focusing on three core issues: the core content and legislative orientation of the new regulations, the dimensions of differences in contractual liability models between China and Russia, and the response strategies for cross-border contracts.

2. Analysis of the Core Content of Russia's 2025 New Regulations on Late Payment

Legislative Background and Purpose of the New Regulations. Previously, Russia's provisions on late payment only applied to SME suppliers, leaving non-SME suppliers without effective legal remedies when facing dishonest procuring parties. With the deepening of Sino-Russian economic and trade cooperation, disputes over late payment in cross-border procurement have increased. Against this background, the State Duma adopted amendments introducing the 2025 late-payment regulations on late payment. The core legislative purposes of the new regulations are threefold: first, to expand the scope of protection for suppliers and achieve equal protection for all types of suppliers; second, to regulate the payment behavior

of procuring parties and deter late payment through administrative penalties; third, to enhance the competitiveness of procurement activities and create a fair and honest market environment.³

Core Content and Impact of the New Regulation. First, scope of application. The new regulation covers all types of procurement contracts and protects all suppliers, no longer limited to SMEs, thus achieving full protection coverage. Second, definition of overdue payment. It is stipulated that the purchaser shall be deemed to be in late payment if it fails to make payment within the period agreed in the contract. Third, forms of liability. Liability is divided into administrative liability and civil liability, which apply concurrently. For administrative liability, legal entities shall be fined from 50,000 to 100,000 rubles, and the persons in charge shall be fined from 30,000 to 50,000 rubles; for civil liability, the purchaser shall pay the outstanding amount, overdue interest and liquidated damages, and compensate the supplier for actual losses and lost profits. Fourth, effective date and exceptions to application. The new regulation shall take effect on December 16, 2025 and apply to procurement contracts concluded after its entry into force; overdue payment caused by force majeure may exempt the liable party from administrative liability and part of civil liability.

3. Systematic Comparison of Sino-Russian Contract Liability Models

The differences between the Chinese and Russian contractual liability models are reflected in four dimensions: the principle of imputation, the nature of liability, grounds for exemption, and remedies. Regarding the principle of imputation, China generally adopts the principle of strict liability for contractual breach, with fault liability as an exception. The non-breaching party is not required to prove the breaching party's fault in most cases.⁴ Russia, however, applies the principle of presumed fault. According to Paragraph 1 of Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation, the breaching party is presumed at fault and must prove the absence of fault to be exempted. In terms of the method of bearing liability, China focuses primarily on compensatory civil liability, where the core function of liquidated damages is to compensate for losses. Punitive liquidated dam-

¹ Draft Federal Law No. 921844-8 On Amending Art. 7.30.4 of the RF Code of Administrative Offences // The State Duma of the Russian Federation [Official Site]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/921844-8> (accessed: 08.03.2026).

² Yuan S. Trade turnover between China and Russia in 2024 reached a new record high of \$244.82 billion [N]. China Daily, 2025. 11 Mar. (No. 16).

³ Sputnik (news agency). Trade between Russia and China reached a record high in 2024, despite sanctions — special representative of the Russian president // Sputnik. 2025. 24 Nov. URL: <https://sputniknews.cn/20251124/1068530866.html> (accessed: 08.03.2026).

⁴ Cui J. Rules of Prior Breach of Contract: Comparison, Borrowing and Integration // Law Journal. 2023. Vol. 44. No. 6. P. 1—16. DOI: 10.16092/j.cnki.1001-618x.2023.06.002.

ages are generally not recognized, and courts may reduce any liquidated damages that are excessively high. In contrast, Russia employs a dual-track system where civil liability and administrative liability run in parallel. Russian law permits the parties to agree on contractual penalties, while courts may reduce a penalty that is manifestly excessive. Furthermore, it introduces administrative penalty mechanisms, forming a dual sanction system, i.e., “civil compensation + administrative punishment”.⁵ Regarding grounds for exemption, China’s provisions are more flexible, with the fault of the non-breaching party serving as a core basis for exemption.⁶ Russia’s standards for ex-

emption are stricter; in practice, the approval rate for force majeure certification by the Russian Chamber of Commerce and Industry is relatively low, and the new regulations clearly state that only force majeure may serve as a ground for exemption from administrative liability.⁷

Concerning remedies, in China, relief is predominantly provided through civil litigation, supplemented by negotiation and mediation. Russia, however, has established a diversified remedy system consisting of “administrative complaints + civil litigation + arbitration”, in which the convenience of administrative relief is particularly prominent.

Comparison Dimension	Chinese Law	Russian Law
Liability Principle	Strict Liability	Presumption of Fault
Liability Composition	Primarily Civil Liability	Dual Liability: Civil + Administrative (Except Force Majeure)
Liability Performance Method	Compensatory	Compensatory + Punitive
Exemption Grounds	Force Majeure, Fault of the Non-breaching Party, etc.	Primarily Force Majeure (Strict Recognition, extremely high rejection rate)
Remedy Channels	Litigation as the Main Method, Negotiation and Mediation as Supplements	Parallel: Administrative + Civil + Arbitration

Note: The table is provided for quick reference purposes only.

4. Analysis of the Causes of Differences in Sino-Russian Contract Liability Models

First, differences in legal culture. China’s legal culture is centered on “fairness, justice, and good faith”, emphasizing the equal protection of both parties to the contract, focusing on the compensatory nature of liability for breach of contract, and reflecting the concept of “prioritizing settlement”.⁸ Russia’s legal culture is deeply influenced by the civil law system, emphasizing the enforceability and standardization of the law, and focusing on the comprehensive protection of the rights and interests of the non-breaching party. From a historical perspective, Soviet civil law theory emphasized the role of contracts in the national economic plan. The performance of a contract was not only a private matter between the parties, but also the implementation of the national plan, and the influence of this concept continues to this day.

Second, differences in legislative value orientation. China’s legislation on contractual liability takes “balancing efficiency and fairness” as its value orientation, which not only protects the legitimate rights and interests of the non-breaching party, but also avoids excessively burdening the breaching party with liability. Russia’s legislation on contractual liability takes “protecting the rights and interests of suppliers and regulating procurement activities” as its core value orientation. Through mechanisms such as presumption of fault and dual liability, it reduces the cost of rights protection for suppliers and deters dishonest purchasers.

Third, differences in economic development and market environment. As the world’s largest developing country, China focuses on “mutual benefit and win-win results” in cross-border economic and trade cooperation, adopting a more moderate way of assuming liability and placing greater emphasis on negotiation and mediation as remedies. Russia’s

⁵ Zhang Z. Analysis of the Penalty System in Russian Law // China Overseas Investment Promotion Association. 2020. 25 Aug. URL: <http://www.ciodpa.org.cn/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=54&id=3315> [accessed: 08.03.2026].

⁶ Yin Q. Determining the Validity of Liability Exclusion Clauses Based on Their Typology // Chinese and Foreign Jurisprudence. 2025. Vol. 37. No. 4. P. 1024.

⁷ Zimneva S., He S. Agreements on Exemption from Contractual Liability of Entrepreneurs in Russia and China // BRICS Law Journal. 2024. Vol. 11. No. 3. P. 120 ; Kanashevskiy V. A. International Private Law. 6th ed., revised and enlarged. Moscow : Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2026. P. 429.

⁸ Zhang S. Traditional Culture of Contractual Good Faith and Its Modern Value in the Context of Law and Morality [N] // Guangming Ribao. 2025. 20 June (No. 11). URL: <http://www.nopss.gov.cn/n1/2025/0620/c219544-40505043.html>.

market economy is relatively mature, with higher requirements for the standardization of contract performance, ensuring the orderly conduct of market transactions through strict liability constraints and administrative penalties.

5. Practical Strategies for Sino-Russian Cross-Border Contracts in Response to the New Late Payment Regulations

Improve the design of contract clauses. First, clarify the payment term, the standard for determining late payment, and the obligation to notify in case of delay. Second, refine the clauses on liability for breach of contract. Specify the calculation standard of late interest, the amount or calculation method of liquidated damages, and clarify the administrative liability that the purchaser shall bear for late payment.⁹ Third, clarify the exemption clauses and the burden of proof. Define the identification standard of force majeure and agree on the method for distributing the burden of proof for fault.

Strengthen compliance management. For Chinese enterprises acting as purchasers in Russia, the 2025 new regulations impose higher compliance requirements. Responsible personnel of enterprises may bear personal liability for payment delays, even when the delay is caused by objective reasons. Chinese enterprises operating in Russia should strengthen internal compliance management: establish a strict payment approval process; strive for a reasonable payment term during contract negotiations; retain complete payment vouchers and communication records; take the initiative to communicate with suppliers when potential payment delays occur.¹⁰

Improve the dispute resolution mechanism. First, give priority to negotiation and mediation. When encountering late payment disputes, first try to resolve them through negotiation or apply for mediation by a neutral third party. Second, reasonably select the method of dispute resolution. Clearly stipulate the dispute resolution method in the contract, and agree on the competent court or arbitration institution. Suppliers can make full use of Russia's administrative relief channels, file a complaint with the relevant administrative departments to pursue the purchaser's administrative liability, and at the same time file a civil lawsuit or apply for arbitration to pursue civil liability. Third, strengthen cross-border judicial cooperation. Relying on the Sino-Russian bilateral judicial assistance treaty,

promote the efficient resolution of cross-border disputes, and entrust local lawyers to represent the cases.

For Chinese enterprises exporting to Russia, the 2025 regulations provide additional legal protection. After the implementation of the new regulations, Chinese exporters, as suppliers, not only enjoy the civil rights agreed in the contract, but also can report the purchaser's late payment behavior to regulatory authorities such as the Federal Antimonopoly Service of Russia, request to pursue their administrative liability, and form an effective deterrent to unqualified purchasers.

6. Conclusion

Russia's 2025 late payment regulations highlight the fundamental divergence between the Sino-Russian contract liability models. China adopts a unitary private-law liability model, which regards late payment as a purely contractual matter with the core of party autonomy and compensatory remedies. Russia applies a dual private-and-public law model, characterized by the presumption of fault and a combined civil-administrative disciplinary system, in which a breach of contract may trigger both civil compensation and administrative penalties.

The two systems differ in four core aspects. First, regarding conditions of liability, China requires the non-breaching party to prove fault, whereas Russia reverses the burden of proof and adds no-fault administrative liability. Second, in terms of liability forms, China focuses on compensation, while Russia adopts a compensation-plus-punishment mode. Third, for exemptions, China implements a relatively flexible standard; Russia only accepts force majeure as the exemption condition for administrative liability. Finally, concerning remedies, China adopts a judicial-led mode, in contrast to Russia's administrative-judicial dual-track remedy system. These differences originate from the distinct legal cultures, legislative goals and market environments of the two countries. For enterprises engaged in Sino-Russian economic and trade cooperation, exporters may leverage Russia's public law mechanisms to ensure payment security, while importers must strengthen compliance management and improve contractual protection clauses. Going forward, tracking the judicial practice of the new regulations and promoting Sino-Russian cross-border contract legal cooperation will help enterprises enhance their core competitiveness in cross-border operations.

⁹ Kuajing Zhidao (information portal). Russia Adopts Law on High Fines for Late Payments by Customers // Kuajing Zhidao. 2025. 18 Dec. URL: <https://www.ikjzd.com/news/495311> (accessed: 08.03.2026).

¹⁰ National Development and Reform Commission of the People's Republic of China, et al. Notice of Publication of the "Guidelines for Managing Compliance Risks in Overseas Business Activities" [No. 1916 [2018] of the National Development and Reform Commission] // Official website of the Embassy of the People's Republic of China in Eritrea. 2018. URL: https://er.mofcom.gov.cn/zcfg/art/2019/art_99161cd154274937b808edc200e0b70b.html (accessed: 08.03.2026).

REFERENCES

1. *Cui J.* Rules of anticipatory breach of contract: comparison, borrowing and integration // *Law Journal*. — 2023. — Vol. 44. — No. 6. — P. 1—16. — DOI: 10.16092/j.cnki.1001-618x.2023.06.002.
2. *Kanashevskiy V. A.* *International Private Law*. — 6th ed., revised and enlarged. — Moscow : Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2026. — 1184 p. — ISBN 978-5-7133-1817-8.
3. Kuajing Zhidao (information portal). Russia adopts a law on high fines for late payments by purchasers. — 2025. 18 December. — URL: <https://www.ikjzd.com/news/495311> (accessed: 08.03.2026).
4. Sputnik (news agency). Trade between Russia and China in 2024 reached a record level despite sanctions — special representative of the President of the Russian Federation. — 2025. 24 November. — URL: <https://sputniknews.cn/20251124/1068530866.html> (accessed: 08.03.2026).
5. *Yin Q.* Determining the validity of exemption clauses based on their typology // *Chinese and Foreign Jurisprudence*. — 2025. — Vol. 37. — No. 4. — P. 1024—1042.
6. *Yuan S.* Trade turnover between China and Russia in 2024 reached a new record level of USD 244.82 billion [N] // *China Daily*. — 2025. 11 March. — No. 16.
7. *Zhang S.* Traditional culture of contractual good faith and its modern value in the context of law and morality [N] // *Guangming Daily*. — 2025. 20 June. — No. 11. — URL: <http://www.nopss.gov.cn/n1/2025/0620/c219544-40505043.html>.
8. *Zhang Z.* Analysis of the penalty system in Russian law // *China Overseas Investment Promotion Association*. — 2020. 25 August. — URL: <http://www.ciodpa.org.cn/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=54&id=3315> (accessed: 08.03.2026).
9. *Zimneva S., He X.* Agreements on release of contractual liability of entrepreneurs in Russia and China // *BRICS Law Journal*. — 2024. — Vol. 11. — No. 3. — P. 117—134.

Новое Соглашение между Россией и Китаем о поощрении и взаимной защите инвестиций 2025 г. New Agreement between Russia and China on the Promotion and Reciprocal Protection of Investments 2025

Наталья Николаевна Викторова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного частного права
имени Г.К. Дмитриевой
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия
vozgik@mail.mipt.ru

Natalia N. Viktorova,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Private International Law
named after G.K. Dmitrieva
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia
vozgik@mail.mipt.ru

© Викторова Н. Н., 2026

DOI: 10.17803/2587-9723.2026.9.1.039-044

Аннотация. В статье исследованы положения нового Соглашения между Россией и Китаем о поощрении и взаимной защите инвестиций, которое было подписано и ратифицировано в 2025 г. и заменило Соглашение 2006 г. Показано соотношение нового и старого соглашений, выделены новые положения, включенные в действующее Соглашение, в частности характеристики, которыми должна обладать инвестиция. Подробно исследовано понятие «инвестор», указаны категории лиц, которые исключены Соглашением 2025 г. из понятия «инвестор». Указаны факторы, которые следует учитывать для определения, является ли мера принимающего государства в конкретной фактической ситуации экспроприацией, а также какие меры не являются экспроприацией в рамках Соглашения 2025 г. Исследовано понятие «транспарентность», которое предусматривает обязанность государств своевременно публиковать информацию о вопросах, охватываемых Соглашением. Описан порядок проведения административных и разрешительных процедур, применяемых в отношении инвестиций инвесторов другого государства-участника. Определены изменения, которые были внесены в статью о порядке разрешения инвестиционных споров между принимающим государством и иностранным инвестором. Отмечается, что Соглашение 2025 г., скорее, является инвестиционным соглашением последнего поколения.

Ключевые слова: Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций, понятие «инвестиция», экспроприация, гарантия надлежащего разрешения инвестиционных споров, характеристики инвестиции, деятельность в связи с инвестициями, зонтичная оговорка, транспарентность, проведение административных процедур, проведение разрешительных процедур, пересмотр и обжалование административных решений

Abstract. The article examines the provisions of the new Agreement between Russia and China on the Promotion and Reciprocal Protection of Investments, which was signed and ratified in 2025 and replaced the Agreement of 2006. The article shows the relationship between the new and old Agreements, highlighting the new provisions included in the new Agreement. These include, in particular,

the characteristics that an investment must have. The concept of "investor" is examined in detail, and the categories of persons excluded from the concept of "investor" by the new Agreement are indicated. The factors that should be taken into account in determining whether a measure of the host state in a specific factual situation constitutes expropriation, as well as which measures do not constitute expropriation under the Agreement 2025. The concept of "transparency" is examined, which implies the obligation of states to promptly publish information regarding the issues covered by the Agreement. The procedure for conducting administrative and permitting procedures applied to investments of investors of another participating state is shown. The changes that were made to the provisions on the procedure for settlement of investment disputes between the host state and a foreign investor are examined. It is noted that the Agreement 2025 is more in line with the "latest generation" of agreements.

Keywords: Treaty on the Promotion and Reciprocal Protection of Investments, the concept of "investment", expropriation, settlement of investment disputes, characteristics of investment, activities in connection with investments, umbrella clause, transparency, conduct of administrative procedures, conduct of licensing procedures, review and appeal of administrative decisions

Россия и Китай являются крупными экономическими партнерами. В научной литературе отмечается, что «усиление взаимного интереса в международных делах и укрепление торговых связей порождает необходимость проведения соответствующих сравнительно-правовых исследований правового регулирования отношений в сфере хозяйственной деятельности»¹. Это относится и к сфере иностранных инвестиций, тем более что Китай является крупным инвестором в мире и занимает ведущее место по объему привлекаемых иностранных инвестиций. Между Россией и Китаем «осуществляется ряд проектов в сферах производства, строительства и транспортных перевозок, освоения месторождений полезных ископаемых, заготовки и переработки древесины, строительства объектов недвижимости, освоения сельскохозяйственных угодий, переработки сельскохозяйственной продукции»².

Ранее инвестиционная деятельность осуществлялась на основе двустороннего Соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений (далее — Соглашение 2006 г.), которое было подписано между Россией и Китаем в 2006 г. Это Соглашение относилось к так называемым инвестиционным договорам старого поколения³. Соглашение содержало определение понятий «капиталовложение», «инвестор», закрепляло правовые режимы: справедливый и равноправный, национальный режим, режим наибольшего благоприятствования, преференциальный режим.

Соглашение закрепляло гарантии прав иностранных инвесторов, к которым относились: гарантия от экспроприации, гарантия компен-

сации при экспроприации, гарантия беспрепятственного перевода за границу платежей в связи с капиталовложениями, гарантия разрешения споров между иностранным инвестором и принимающим инвестиции государством, гарантия возмещения ущерба, причиненного в результате войны, гражданских беспорядков или иных аналогичных обстоятельств.

Соглашение содержало механизм разрешения инвестиционных споров между принимающим инвестиции государством и инвестором. Предусмотрена была прежде всего стадия мирного урегулирования споров. Если в течение шести месяцев спор не был разрешен, то он мог быть передан на рассмотрение: а) в компетентный суд договаривающейся стороны, являющейся стороной в споре; б) в Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС), созданный в соответствии с Конвенцией об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств, подписанной в г. Вашингтоне 18 марта 1965 г. (при условии, что она вступила в силу для обеих договаривающихся сторон), или в соответствии с Дополнительными правилами МЦУИС (в случае, если Конвенция не вступила в силу для любой из договаривающихся сторон); в) в арбитражный суд ad hoc в соответствии с Арбитражным регламентом Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ)⁴.

Однако возникла необходимость изменить Соглашение с учетом современных реалий. Переговоры по обновлению двустороннего инвестици-

¹ Алексеев А. П. Правовое регулирование отношений в сфере прямых иностранных инвестиций в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: сравнительно-правовой аспект. М. : Проспект, 2018. С. 3.

² Мантусов В. Б. Интеграционные процессы и сотрудничество России со странами БРИКС // Вестник Российской таможенной академии. 2022. № 3. С. 9—23.

³ См. об этом: Викторова Н. Н. Участие стран БРИКС в международных инвестиционных договорах «нового поколения» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3 (127). С. 45—53.

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений (Пекин, 09.11.2006) // СПС «КонсультантПлюс».

онного соглашения начались между сторонами в 2022 г.⁵ Новая версия соглашения больше по объему: содержит 20 статей. В предыдущем соглашении было 13 статей.

8 мая 2025 г. в Москве было подписано новое Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о поощрении и взаимной защите инвестиций⁶ (далее — Соглашение 2025 г.). В октябре 2025 г. оно было ратифицировано и вступило в силу.

Соглашением 2025 г. предусматриваются те же гарантии для иностранных инвесторов, что и Соглашением 2006 г.: гарантия защиты от экспроприации (национализации); гарантия возмещения ущерба, который нанесен инвестициям в результате войны, гражданских беспорядков, введения чрезвычайного положения или иных подобных событий; гарантия беспрепятственного перевода платежей; суброгация; гарантия надлежащего разрешения инвестиционных споров между инвестором и принимающим государством.

Обращает на себя внимание, что в Соглашении 2025 г. используется термин «инвестиция» вместо термина «капиталовложение». Это представляется более корректным с точки зрения юридической техники. Соглашение 2025 г. содержит определение понятия «инвестиция», а также указывает характеристики, которыми должна обладать инвестиция: «в том числе вложение капитала или других ресурсов», «ожидание прибыли и принятие риска». Далее идет перечень имущественных ценностей, которые считаются инвестицией. По сравнению с Соглашением 2006 г. этот перечень стал шире, он включает, например, деловую репутацию. Предусмотрены изъятия из понятия «инвестиция». Так, термин «инвестиция» не включает в себя:

- (i) права требования денежных средств, возникающие исключительно из коммерческих договоров на продажу или аренду товаров или услуг;
- (ii) права требования денежных средств, возникающие исключительно в результате предоставления в связи с коммерческой сделкой кредита, такого как финансирование торговли;
- (iii) постановление или решение в рамках любого судебного, административного или арбитражного разбирательства.

Для целей понятия «инвестиция» Соглашение 2025 г. не применяется к секторам услуг или других видов деятельности, предоставляемых или выполняемых не на коммерческой основе или не на условиях конкуренции с одним или несколькими лицами, занимающимися тем же видом деятельности.

Значительно изменилось определение понятия «инвестор». Под инвестором новое Соглашение понимает физическое или юридическое лицо договаривающейся стороны, которое осуществляет или осуществило инвестицию на территории другой договаривающейся стороны.

Дается определение термина «физическое лицо» — это физическое лицо, у которого есть гражданство этой договаривающейся стороны в соответствии с его законодательством. Термин «юридическое лицо договаривающейся стороны» означает юридическое лицо, которое должным образом создано или иным образом организовано в соответствии с законодательством договаривающейся стороны, независимо от того, организовано оно в целях получения прибыли или нет, и независимо от того, находится ли оно в частной или государственной собственности или под контролем.

Соглашение не включает в понятие «инвестор» следующие лица:

(а) любое физическое лицо, являющееся гражданином договаривающейся стороны, на территории которой осуществляется или была осуществлена инвестиция;

(b) любое физическое лицо, которое было гражданином договаривающейся стороны, на территории которой была осуществлена инвестиция на дату осуществления такой инвестиции;

(с) любое юридическое лицо договаривающейся стороны, которое принадлежит лицу другой договаривающейся стороны либо находится под его прямым или косвенным контролем;

(d) любое юридическое лицо договаривающейся стороны, если такое юридическое лицо не осуществляет существенной коммерческой деятельности на территории этой договаривающейся стороны, включая юридические лица, которые принадлежат лицу третьего государства или находятся под его прямым или косвенным контролем;

(е) юридическое лицо договаривающейся стороны, которое принадлежит третьему государству, физическому или юридическому лицу третьего государства либо находится под их прямым или косвенным контролем, если другая договаривающаяся сторона не поддерживает дипломатических отношений с таким третьим государством.

Эти уточнения очень важны при квалификации понятия «инвестор». Так, не может быть иностранным инвестором для принимающего инвестиции государства физическое лицо, имеющее гражданство этого государства на момент осуществления инвестиции. В практике международного инвестиционного арбитража были споры, когда физические лица, имевшие гражданство

⁵ Вступило в силу обновленное соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций между правительствами КНР и РФ // URL: <https://russian.news.cn/20251202/9216042b446d476fb746940c0217d2da/c.html> (дата обращения: 03.03.2026).

⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций [Москва, 08.05.2025] // СЗ РФ. 2026. № 3. Ст. 163.

двух государств — участников определенного двустороннего инвестиционного договора, подавали иски против своего государства, эффективное гражданство которого они имели⁷. Можно ли этих лиц признавать в таком случае иностранными инвесторами? Единообразия в практике не было. Новое Соглашение позволяет снять эту проблему.

Соглашение 2025 г. вводит термин «деятельность в связи с инвестициями», под которой понимаются эксплуатация, управление, содержание, пользование, владение и распоряжение допущенной инвестицией.

В Соглашении 2025 г. указаны меры, к которым оно не применяется:

(а) закупка государственными учреждениями товаров или услуг или любой их комбинации для государственных целей и не в целях коммерческой продажи или перепродажи или использования в производстве или поставке товаров или услуг для коммерческой продажи или перепродажи. Для большей определенности настоящий пункт не препятствует применению настоящего Соглашения к мерам, затрагивающим инвестицию, инвестированную в результате такой закупки;

(b) любое действие или факт, которые имели место, или любая ситуация или спор, которые возникли или прекратили существовать до вступления в силу настоящего Соглашения.

Каждая договаривающаяся сторона стремится создавать благоприятные условия инвесторам другой договаривающейся стороны для осуществления инвестиций на своей территории и допускает такие инвестиции в соответствии со своим законодательством. Соглашение 2025 г. предоставляет инвестициям и доходам инвесторов полную защиту на своей территории. Можно говорить, что новое Соглашение содержит зонтичную оговорку (*umbrella clause*).

В Соглашении 2025 г. отмечается, каким образом государства-участники будут поощрять инвестиции, в том числе «посредством:

(а) стимулирования инвестиций между договаривающимися сторонами;

(b) организации и поддержки совместных мероприятий по поощрению инвестиций, мероприятий по подбору деловых партнеров, а также различных брифингов и семинаров по инвестиционным возможностям и по вопросам законодательства и политики в области инвестиций;

(с) проведения обмена информацией по другим представляющим взаимный интерес вопросам, связанным с поощрением инвестиций; и

(d) создания или поддержания контактных пунктов, инвестиционных центров «единого окна» для оказания содействия и консультативных услуг инвесторам, включая упрощение процедур выда-

чи лицензий и разрешительных документов на деятельность».

Инвестициям и деятельности в связи с такими инвестициями предоставляется справедливый равноправный режим. Ни одно из государств не применяет какие-либо дискриминационные меры, которые могут препятствовать деятельности в связи с инвестициями. Предусмотрено также предоставление национального режима, режима наибольшего благоприятствования и преференциального режима.

Значительные изменения произошли в отношении критериев законной экспроприации (национализации). В Соглашении 2006 г. было указано, что меры экспроприации (национализации) должны предприниматься в общественных интересах и отвечать следующим условиям: осуществляться в соответствии с процедурой, предусмотренной национальным законодательством; не являться дискриминационными; сопровождаться выплатой компенсации. Соглашение 2025 г. закрепляет такие же требования, однако указывает, что мера, предпринятая принимающим инвестицию государством, не является экспроприацией, если она не нарушает права на материальную или нематериальную собственность в отношении инвестиций.

Кроме того, в соответствии с Соглашением 2025 г. для определения, является ли мера принимающего государства в конкретной фактической ситуации экспроприацией, необходимо в каждом конкретном случае учитывать, в частности, следующие факторы:

«(а) влияние меры (комплекса мер) на экономическую стоимость инвестиции инвестора другой Договаривающейся Стороны, хотя единственный факт, что мера (комплекс мер) Договаривающейся Стороны оказывает неблагоприятное воздействие на экономическую стоимость такой инвестиции, не устанавливает, что произошла экспроприация;

(b) природа такой меры (комплекса мер), включая продолжительность и цель такой меры (комплекса мер); и

(с) степень, в которой мера (комплекс мер) противоречит законным и разумным ожиданиям, связанным с такими инвестициями».

При этом нарушение иных положений Соглашения 2025 г. само по себе не обозначает, что имела место экспроприация.

Соглашение 2025 г. устанавливает, какие меры не являются экспроприацией. Это:

«(а) выдача принудительных лицензий, предоставляемых в отношении прав интеллектуальной собственности, или аннулирование, ограничение или создание прав интеллектуальной собствен-

⁷ См. об этом: *Викторова Н. Н.* Злоупотребление правом со стороны индивидуальных инвесторов в инвестиционном арбитраже // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3 (79). С. 72—81.

сти в той мере, в какой такие выдача, аннулирование, ограничение или создание соответствуют Соглашению по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашению ТРИПС);

(b) задержка, приостановление или прекращение платежей Договаривающейся Стороной по кредитным соглашениям или договоренностям с участием такой Договаривающейся Стороны, даже если такие соглашения или договоренности соответствуют критериям инвестиций, предусмотренным пунктом 1 статьи 1 настоящего Соглашения;

(с) меры, принятые Договаривающейся Стороной для преодоления финансового или экономического кризиса, связанные с мораторием на выплату государственного долга, временной приостановкой выплаты процентов или переговорами с инвесторами о реструктуризации долга;

(d) факт того, что субсидия или грант либо другая форма государственной или муниципальной поддержки не были возобновлены или сохранены или были изменены или сокращены Договаривающейся Стороной в соответствии с положениями и условиями такой поддержки, предусмотренной ее законодательством, даже если в результате инвестор другой Договаривающейся Стороны несет убытки или ущерб в связи с инвестицией этого инвестора».

Соглашение 2025 г., как и Соглашение 2006 г., содержит порядок определения размера компенсации при национализации. Если в прежнем Соглашении говорилось, что рыночная стоимость компенсации должна определяться в соответствии с обычаями делового оборота, компенсация должна включать в себя проценты, исчисляемые с даты экспроприации до даты выплаты по ставке LIBOR⁸ по шестимесячным долларовым кредитам, и должна выплачиваться без задержки в любой свободно конвертируемой валюте, то в соответствии с Соглашением 2025 г. компенсация включает проценты по коммерческой ставке, определяемой рынком, но не ниже, чем по ставке SOFR⁹ по шестимесячным долларовым кредитам с даты экспроприации до даты платежа. SOFR — это альтернатива LIBOR. SOFR — более прозрачная ставка, отражает стоимость займа в финансовой системе США¹⁰.

В новом Соглашении появилась статья «Транспарентность». Она предусматривает обязанность государств своевременно публиковать информацию о вопросах, охватываемых Соглашением, в частности о том, требуется ли разрешение для инвестиционной деятельности, о применимых лицензионных требованиях, технических стандартах. Информация должна быть по возможности

заблаговременно опубликована, должна предоставлять заинтересованным лицам и другой договаривающейся стороне разумную возможность представить замечания по предлагаемым мерам.

Разрабатываемое законодательство, затрагивающее вопросы в рамках Соглашения 2025 г., публикуется не менее чем за 30 дней до даты, когда должны быть представлены комментарии общественности; следует также принимать во внимание комментарии, полученные от заинтересованных лиц. Это не относится к чрезвычайным ситуациям, мерам, связанным с национальной безопасностью, специфическим мерам, определяющим денежно-кредитную политику, мерам, публикация по которым препятствовала бы правоприменению, иным образом противоречила общественным интересам или наносила ущерб законным коммерческим интересам конкретного лица.

В Соглашение 2025 г. включена статья, посвященная административным процедурам, применяемым в отношении инвестиций инвесторов другого государства-участника. Такие административные процедуры должны применяться «разумным, объективным и беспристрастным образом». Порядок проведения административных процедур должен соответствовать законодательству государства, которое применяет эти процедуры. По возможности инвестору должно быть заблаговременно предоставлено уведомление о начале такой процедуры, «включая общее описание характера процедуры и любых спорных вопросов». У инвестора должна быть возможность представить факты и доводы в поддержку своей позиции до окончания административного действия, если это позволяют «срок, природа процедуры и общественные интересы».

Соглашение 2025 г. предусматривает также проведение разрешительных процедур и дает определение термина «разрешение»: «разрешение компетентного органа на осуществление инвестиционной деятельности, вытекающее из процедуры, которой должен придерживаться инвестор, чтобы продемонстрировать соблюдение необходимых требований». Соглашение 2025 г. содержит требования, которым должны соответствовать разрешительные процедуры. Они, в частности, должны быть основаны на объективных и транспарентных критериях, должны быть беспристрастными, должны быть заранее доведены до общего сведения, не должны усложнять или замедлять инвестиционную деятельность.

Отдельная статья Соглашения 2025 г. посвящена пересмотру и обжалованию административных решений, затрагивающих вопросы, к

⁸ LIBOR (London Interbank Offer Rate) — ставка кредитования на межбанковском рынке Великобритании (URL: https://finuslugi.ru/glossary/libor_libor [дата обращения: 09.03.2026]).

⁹ SOFR — Secured Overnight Financing Rate.

¹⁰ Что такое SOFR // URL: <https://www.binance.com/ru/academy/articles/what-is-sofr> [дата обращения: 09.03.2026].

которым применяется это Соглашение. Государства — участники Соглашения 2025 г. обязуются обеспечивать, чтобы процедуры предусматривали объективный и беспристрастный пересмотр.

Соглашение 2025 г. не требует от государств-участников предоставлять или разрешать доступ к конфиденциальной информации, раскрытие которой противоречило бы общественным интересам или нанесло ущерб законным коммерческим интересам конкретных государственных или частных предприятий.

Как и предыдущий договор, Соглашение 2025 г. предусматривает способы урегулирования инвестиционных споров между принимающим государством и иностранным инвестором относительно предполагаемого нарушения обязательства принимающего государства по настоящему Соглашению, которое предположительно приводит к ущербу для инвестора в отношении его инвестиций, осуществленных на территории принимающего государства.

Прежде всего стороны спора должны попытаться разрешить спор путем проведения консультаций. Соглашение подробно регламентирует процедуру направления запроса, срок направления запроса, содержание запроса. Если спор не может быть урегулирован путем консультаций в течение 180 дней с даты получения запроса на консультации, истец может передать спор на рассмотрение в одно из следующих учреждений: компетентный суд государства — участника Соглашения, на территории которого осуществлена инвестиция; арбитражный суд *ad hoc*, созданный в соответствии с Арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ; а также, по соглашению сторон, в любое другое арбитражное учреждение или в соответствии с любым другим арбитражным регламентом.

Однако в отношении указанных выше споров другие арбитражные учреждения не имеют

юрисдикции. В Соглашении 2006 г. была предусмотрена возможность обращения в МЦУИС, по Соглашению 2025 г. такой возможности нет. Россия и Китай при заключении Соглашения 2025 г. решили отказаться от МЦУИС. Соглашение 2025 г. подробно регламентирует процедуру создания арбитража *ad hoc*, в частности количество арбитров, язык арбитража, вопросы вынесения решения.

Соглашение 2025 г. содержит оговорку *sunset clause*, предусматривающую, что в случае прекращения действия этого Соглашения оно продолжает применяться в течение последующих десяти лет в отношении инвестиций, осуществленных до даты его прекращения. Это положение очень важно, так как предоставляет дополнительную защиту инвестициям даже в случае прекращения Соглашения.

Несмотря на то что Соглашение 2006 г. автоматически прекратило свое действие с даты вступления в силу Соглашения 2025 г., т.е. с 1 декабря 2025 г., оно действует в течение 3 лет в отношении инвестиций, осуществленных до вступления в силу Соглашения 2025 г.

По сравнению с Соглашением 2006 г., в новом Соглашении были «дополнительно скорректированы положения о защите инвестиций и усилена правовая определенность в отношении двусторонних инвестиций; были добавлены правила упрощения процедур инвестирования, что способствует повышению прозрачности и предсказуемости мер обеих сторон, связанных с инвестициями; процедуры урегулирования споров были детализированы, что обеспечивает более четкие правила и руководящие принципы для надлежащего урегулирования инвестиционных споров»¹¹. Соглашение 2025 г. содержит более сбалансированные положения, поэтому оно может быть отнесено к инвестиционным договорам нового поколения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев А. П. Правовое регулирование отношений в сфере прямых иностранных инвестиций в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: сравнительно-правовой аспект. — М. : Проспект, 2018.
2. Викторова Н. Н. Злоупотребление правом со стороны индивидуальных инвесторов в инвестиционном арбитраже // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 3 (79). — С. 72—81.
3. Викторова Н. Н. Участие стран БРИКС в международных инвестиционных договорах «нового поколения» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2025. — № 3 (127). — С. 45—53.
4. Мантусов В. Б. Интеграционные процессы и сотрудничество России со странами БРИКС // Вестник Российской таможенной академии. — 2022. — № 3. — С. 9—23.

¹¹ Вступило в силу обновленное соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций между правительствами КНР и РФ // URL: <https://russian.news.cn/20251202/9216042b446d476fb746940c0217d2da/c.html> [дата обращения: 03.03.2026].

Наука международного частного права в Китае, Латинской Америке и мусульманских странах (общие положения) The Science of Private International Law in China, Latin America, and Muslim Countries (General Provisions)

Андрей Анатольевич Шулаков,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного частного права
имени Г.К. Дмитриевой Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия
docent-law@rambler.ru

Andrey A. Shulakov,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Private International Law
named after G.K. Dmitrieva of the Kutafin Moscow
State Law University (MSAL),
Moscow, Russia
docent-law@rambler.ru

© Шулаков А. А., 2026

DOI: 10.17803/2587-9723.2026.9.1.045-049

Аннотация. Статья посвящена анализу доктринальных и законодательных особенностей международного частного права (МЧП) в Китае, Латинской Америке и мусульманских странах. Рассматривается эволюция китайской науки МЧП от изоляционизма к политике открытых дверей, в которой ключевую роль сыграла теория «одного тела и двух крыльев» профессора Хан Депеи, а принятие Закона 2010 г. ознаменовало процесс китаизации права. Исследуется также уникальный феномен латиноамериканской школы — Кодекс Бустаманте 1928 г., его структура и классификация норм, обеспечившие его долголетие.

В статье раскрывается влияние мусульманской доктрины на примере Гражданского кодекса Египта 1948 г., демонстрирующего синтез шариата и европейских традиций.

Делается вывод о многообразии путей формирования МЧП в незападных правовых системах, сочетающих национальные традиции с международными стандартами.

Ключевые слова: международное частное право, публичный порядок, коллизионное право, Хан Депей, теория «одного тела и двух крыльев», Закон КНР «О применении права в гражданских правоотношениях, осложненных иностранным элементом» (2010), китаизация права, Кодекс Бустаманте, мусульманское право, Абд-эль-Раззак аль-Санхури

Abstract. This article analyzes the doctrinal and legislative peculiarities of private international law (PIL) in China, Latin America, and Muslim countries. It examines the evolution of Chinese PIL scholarship from isolationism to the Open Door policy, where Professor Han Depei's "one body and two wings" theory played a key role, and the adoption of the 2010 Act marked the process of legal "Sinicization." The second part explores a unique phenomenon of the Latin American school — the Bustamante Code of 1928, its structure, and classification of rules that have ensured its longevity.

The third part reveals the influence of Muslim doctrine, using the Egyptian Civil Code of 1948 as an example, which demonstrates a synthesis of Sharia and European traditions.

The conclusion is drawn about the diversity of paths in the formation of PIL in non-Western legal systems, combining national traditions with international standards.

Keywords: private international law, public policy, conflict of laws, Han Depei, "One Body and Two Wings" theory, Law of the People's Republic of China on the Law Applicable to Civil Relationships Involving Foreign Elements (2010), "Sinicization" of law, Bustamante Code, Islamic law, Abd el-Razzaq el-Sanhuri

Наука международного частного права в Китае

Исторически развитие международного частного права в Китае происходило в условиях, которые сегодня можно охарактеризовать как сдерживающие факторы. Долгое время доминирующие правовые и политические установки делали обращение к иностранным правовым нормам затруднительным как для судов и государственных органов, так и для научной теории. К числу ключевых причин сложившейся ситуации относятся длительная изоляционистская политика и опыт применения иностранной консульской юрисдикции в XIX в. Кроме того, сама концепция коллизии законов во многом оставалась чужеродной для традиционного китайского правосознания, ориентированного на иные, неконфликтные способы регулирования.

Формирование современного законодательства КНР в сфере международного частного права в русле политики открытых дверей началось с 1980-х гг. Принятые в тот период законы стали ответом на потребности развивающегося международного сотрудничества. В китайской доктрине сложились различные подходы. Такие авторитетные ученые, как Ияо Хуанг, Рен Лишэнг и Лью Динг, обосновывали широкую трактовку МЧП, охватывающую все правоотношения с иностранным элементом (теория «большого» МЧП). Альтернативную позицию занимал Ли Хоа Пей, который отстаивал понимание МЧП как сугубо коллизионного права (теория «малого» МЧП).

В современный период международное частное право Китая сделало огромный шаг вперед, ориентируясь во многом на достижения западной науки и практики. Почетный президент Китайского общества международного и международного част-

ного права, создатель современной китайской системы международного частного права профессор Хан Дипей (1911—2009) считал, что развитие международного частного права в Китае должно учитывать международную ситуацию, а также развитие гражданских и торговых отношений.

В современный период в Китае широко принята теория «одного тела и двух крыльев», предложенная профессором Хан Дипей. В соответствии с этой теорией международное частное право, подобно самолету, включает фюзеляж (тело) и два крыла. Тело — это коллизионное право, единое материальное право и законы, которые государство непосредственно применяет к гражданско-правовым отношениям, связанным с иностранными государствами. Одно из двух крыльев — вопросы гражданства и правового статуса иностранцев; другое крыло — процедуры международного гражданского судопроизводства и арбитража для разрешения споров в случае их возникновения, включающие юрисдикцию, судебную помощь, а также признание и исполнение иностранных судебных и арбитражных решений.

Основываясь на доктрине профессора Хан Дипей об «одном теле и двух крыльях», китайское юридическое сообщество выстроило теоретическую систему международного частного права с китайской спецификой и постепенно достигло консенсуса относительно сферы действия международного частного права, его объектов и методов регулирования¹.

Рецепция иностранных идей и иностранного законодательства идет в Китае достаточно осторожно и взвешенно. Это проявляется не только в объеме регулирования вопросов коллизий законов и международного гражданского процесса, но и в явном предпочтении китайским законодателем материально-правового регулирования.

Вместе с тем следует отметить, что Закон КНР «О применимом праве в гражданских правоотношениях, осложненных иностранным элементом» (2010)² в полной мере отражает современные тенденции развития международного частного

¹ Хэ Цишэн. Тридцать лет китайского международного частного права (1978—2008) // Международный юридический обзор CSSCI / Уханьский университет. 2010. № 1. С. 251—275. URL: <https://zk.faxin.cn/flqk/content.html?gid=F131307&libid=040103#Remark33> (дата обращения: 07.03.2026).

² Закон Китайской Народной Республики «О применимом праве в гражданских правоотношениях, осложненных иностранным элементом» [2010] // URL: <https://law.pkulaw.com/falv/7674d9626365d7e3bdfb.html> (дата обращения: 07.03.2026). Название Закона дается в соответствии с переводом доктора юридических наук, профессора Ван Чжихуа (Институт сравнительного правоведения при Китайском политико-правовом университете). См.: Вступительное слово //

права. Это находит выражение как в закреплении субсидиарного применения принципа наиболее тесной связи (ст. 2), так и в использовании материально-правового (смешанного) подхода при регулировании ряда институтов.

В качестве иллюстрации можно привести норму § 29 указанного Закона, касающуюся алиментных обязательств: в целях максимальной защиты интересов получателя содержания правоприменитель обязан осуществить выбор между правом страны обычного места жительства, правом государства гражданства или правом государства места нахождения основной части имущества управомоченного лица. Аналогичный механизм выбора применимого права предусмотрен законодателем и для отношений, складывающихся в сфере опеки (§ 30).

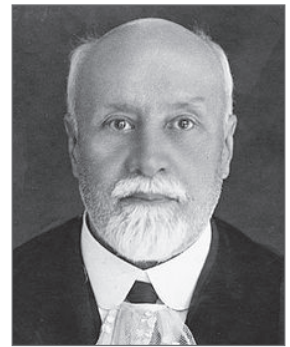
Согласно оценке профессора Сяо Юнпина (Уханьский университет), принятие и вступление в силу Закона КНР «О применимом праве в гражданских правоотношениях, осложненных иностранным элементом» послужило отправной точкой для нового исторического этапа в развитии китайского международного частного права. Вступление Закона в силу обусловило смещение акцента в научных исследованиях от преимущественного изучения и имплементации зарубежного опыта в сторону углубленного исследования, обобщения и совершенствования национальной правоприменительной практики и теоретических воззрений. Указанная трансформация, характеризующаяся как китаизация международного частного права, проявилась в его адаптации к решению актуальных задач, стоящих перед китайским обществом и государством, а также в стремлении к построению целостной китайской теоретической системы в данной сфере³.

Как отмечает известный китайский цивилист, доктор юридических наук, профессор Чжэцзянского университета Ху Миньфэй, принятие Закона КНР «О применимом праве в гражданских правоотношениях, осложненных иностранным элементом» ознаменовало собой важный этап в развитии китайского международного частного права. С точки зрения законодательной техники данный акт завершил переход от фрагментарного (разрозненного) регулирования к единому кодифицированному источнику. Что касается содер-

жательной части, то Закон не только восполнил существовавшие правовые пробелы, но и усовершенствовал ранее действовавшие нормы с учетом сложившейся судебной практики⁴.

Латиноамериканская школа международного частного права. Кодекс Бустаманте 1928 г.

Латиноамериканская школа международного частного права связана с именем видного кубинского юриста, политического деятеля и дипломата *Антонио Санчеса де Бустаманте-и-Сирвена* (1865—1951). Этим ученым был разработан Кодекс международного частного права (Кодекс Бустаманте), принятый 20 февраля 1928 г. в Гаване на VI Международной конференции американских государств в рамках Конвенции о международном частном праве⁵.

Уникальность Кодекса Бустаманте, действующего по сегодняшний день в неизменном виде для четырнадцати стран Латинской Америки (Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Гватемалы, Гондураса, Гаити, Доминиканской Республики, Коста-Рики, Кубы, Никарагуа, Перу, Панамы, Сальвадора, Эквадора), заключается не только в его универсальности и объеме (437 статей), но и в оригинальной юридической технике⁶. В государствах региона, даже не инкорпорировавших Кодекс Бустаманте в национальное законодательство, он применяется и применялся *imperio rationis* (в силу признанной юридической целесообразности и доктринальной обоснованности).

Кодекс, состоящий из четырех книг, представляет собой детальную регламентацию вопросов коллизионного права в сферах гражданского и торгового оборота, а также устанавливает нормы, касающиеся международного гражданского процесса и международного уголовного права. Ключевой нормой, определяющей пределы применения *lex fori* и иностранного права, выступает

Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / отв. ред. перевода профессор Ван Чжихуа. М. : Проспект, 2025. С. 5.

³ Сяо Юнпин. Важная веха в законодательстве Китая о международном частном праве [27.07.2012]. China Law Society // URL: <https://www.chinalaw.org.cn/portal/article/index/id/21361/cid/136.html> (дата обращения: 07.03.2026).

⁴ Hu Minfei. An Analysis on the Law on Application of Law for Foreign-related Civil Relations and Its Judicial Interpretation. 2014. P. 87—111 // URL: <https://dms.donga.ac.kr/bbs/lawlab/2259/37758/download.do> (дата обращения: 19.11.2025).

⁵ Кодекс международного частного права (Кодекс Бустаманте 1928 г.) [принят в г. Гаване 20.02.1928] // Международное частное право : сборник документов / сост. К. А. Бекашев, А. Г. Ходаков. М. : Бек, 1997. С. 3—40.

⁶ Подписали, но не ратифицировали Кодекс Бустаманте: Аргентина, Колумбия, Мексика, Парагвай, Уругвай (см.: Международное частное право : сборник документов. С. 3—40).

статья 3 Кодекса, которая устанавливает классификацию всех норм международного частного права, подразделяя их на три категории: 1) нормы территориальные, или местного (международного публичного) порядка; 2) нормы личные, или внутреннего публичного порядка; 3) нормы автономные, или частного порядка.

Нормы местного (международного публичного) порядка обладают обязательной силой в отношении всех лиц, находящихся на территории конкретного государства, независимо от их гражданства. Статья 8 Кодекса, сформулированная как защитная (императивная) оговорка, придает данным нормам сверхимперативный характер: «Права, предоставляемые согласно правилам настоящего Кодекса, имеют полное экстерриториальное действие в договаривающихся государствах, кроме случаев, когда применение какого-либо из следствий или результатов противоречит норме международного публичного порядка».

К категории норм международного публичного порядка (ст. 4 и 5 Кодекса) отнесены конституционные положения, а также предписания государственного и административного права, направленные на охрану интересов личности и коллектива, если только из соответствующих постановлений не вытекает иное. В число указанных норм входят, в частности, положения, закрепляющие алиментные обязательства в отношении детей (ст. 59), регламентирующие процедуру признания лица безвестно отсутствующим (ст. 81), устанавливающие правила межевания и огораживания сельских земельных участков (ст. 120), а также запрещающие заключение соглашений, противных закону, нравственности и публичному порядку (ст. 175).

Нормы личные (внутреннего публичного порядка) определяют правовой статус лица на основе его domicilio или гражданства и сохраняют свое действие при перемещении лица в другое государство. К данной категории относятся, например, правила, согласно которым назначение наследника осуществляется в соответствии с личным законом завещателя (ст. 154), а определение полномочий ликвидатора или управляющего наследственным имуществом подчиняется личному закону наследодателя (ст. 162).

Нормы автономные (частного порядка) применяются в силу волеизъявления сторон, либо следуют из толкования воли сторон, либо презюмируются на основе их предполагаемого намерения. К числу таких норм, в частности, относятся правила, регулирующие легальные сервитуты, установленные в интересах частных лиц (ст. 134).

Мусульманское право и доктрина международного частного права

Мусульманская правовая доктрина в значительной степени затронула законодательство ряда стран Ближнего Востока. Одним из самых известных и развитых гражданских кодексов стран мусульманского права, причем и с точки зрения коллизионного права, является Гражданский кодекс Египта 1948 г.⁷

Автор ГК Египта, известный египетский ученый-правовед, профессор Абд-эль-Раззак аль-Санхури (1895—1971) участвовал в разработке конституций Кувейта, Сирии, ОАЭ, а также гражданских кодексов Сирии, Ирака, Иордании, Ливии, Торгового кодекса Кувейта.

Санхури пытался создать модернизированный шариат, используя для этого традиции американского и французского гражданского права.

Нормы международного частного права, закрепленные в Законе о гражданских сделках Объединенных Арабских Эмиратов (1985) и Гражданском кодексе Йемена (1992), испытали на себе значительное влияние египетского законодательства. Хотя материально-правовые и коллизионные положения Гражданского кодекса Египта в значительной степени ориентированы на право Франции и иных европейских государств, данный кодифицированный акт синтезировал в себе как доктринальные достижения различных правовых школ (толков) мусульманского права, так и правоприменительную практику национальных судов. Иллюстрацией этого синтеза выступает статья 13 Кодекса, устанавливающая: «Развод, даваемый мужем жене, подчиняется закону гражданства мужа на момент его совершения, тогда как расторжение брака и разлучение подчиняются закону мужа на момент подачи искового заявления».

С точки зрения иерархического соотношения светских и религиозных предписаний примечательна статья 24, корреспондирующая с правилом ст. 1 ГК Египта. Согласно данной норме, «при отсутствии законодательного предписания судья выносит решение на основе обычая, а при отсутствии обычая — в соответствии с принципами мусульманского права. В случае отсутствия таковых подлежат применению принципы естественного права и правила справедливости».

⁷ Гражданский кодекс Египта 1948 г. / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Факультет права. Проектная группа «Современная конструкция международного частного права» // URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/080201> (дата обращения: 07.03.2026).

Иной подход к определению иерархии правовых норм демонстрирует законодатель Йемена. Согласно ст. 34 Гражданского кодекса Йемена «в случае, если в законах Республики отсутствует предписание, разрешающее вопрос коллизии законов, стоящий перед судом, подлежат применению общепризнанные нормы международного частного права, если они не противоречат нормам исламского права (шариата)»⁸.

Проведенный анализ позволяет заключить, что развитие международного частного права в незападных правовых порядках демонстрирует отсутствие единой модели рецепции и характеризуется глубоким синтезом национальных традиций с международными стандартами.

Китайская доктрина, пройдя путь от изоляционизма к политике открытых дверей, создала

самобытную теоретическую конструкцию («одно тело и два крыла»), в рамках которой происходит взвешенная китаизация заимствованных норм.

Латиноамериканская школа, воплощенная в Кодексе Бустаманте, предложила оригинальную юридическую технику классификации норм, позволившую универсальному акту органично действовать в различных национальных системах на протяжении века.

В свою очередь, мусульманские правовые порядки (на примере Египта) демонстрируют возможность органичного включения европейских коллизионных конструкций в систему, где высшую иерархическую силу сохраняют принципы шариата.

Таким образом, ключевой закономерностью является не механическое копирование западных моделей, а их творческая адаптация, при которой международные стандарты выступают инструментом для модернизации, но не вытесняют национальную правовую идентичность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Сяо Юнпин. Важная веха в законодательстве Китая о международном частном праве [27.07.2012]. China law Society // URL: <https://www.chinalaw.org.cn/portal/article/index/id/21361/cid/136.html>.
2. Хэ Цишэн. Тридцать лет китайского международного частного права (1978—2008) // Международный юридический обзор CSSCI / Уханьский университет. — 2010. — № 1. — С. 251—275. — URL: <https://zk.faxin.cn/flqk/content.html?gid=f131307&libid=040103#remark33>.
3. Hu Minfei. An Analysis on the Law on Application of Law for Foreign-related Civil Relations and Its Judicial Interpretation. 2014 // URL: <https://dms.donga.ac.kr/bbs/lawlab/2259/37758/download.do>.

⁸ Гражданский кодекс Йемена 1992 г. / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Факультет права. Проектная группа «Современная конструкция международного частного права» // URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/070201> (дата обращения: 07.03.2026).

Международный коммерческий арбитраж в Китае International Commercial Arbitration in China

Олеся Федоровна Засемкова,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры международного частного права
имени Г.К. Дмитриевой
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия
ofzasemkova@msal.ru

Olesya F. Zasemkova,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
of the Department of Private International Law
named after G.K. Dmitrieva of the Kutafin Moscow
State Law University (MSAL),
Moscow, Russia
ofzasemkova@msal.ru

© Засемкова О. Ф., 2026

DOI: 10.17803/2587-9723.2026.9.1.050-057

Аннотация. На протяжении долгого времени российские компании и их иностранные контрагенты предпочитали передавать возникающие у них споры на рассмотрение арбитражных учреждений, расположенных на территории Европейского союза и иных стран, которые теперь считаются недружественными вследствие принятия ими односторонних экономических мер («санкций») против российских лиц. Это вынуждает лиц, попавших под «санкции», менять свои предпочтения в отношении арбитражного учреждения и места арбитража. Одним из возможных вариантов решения данной проблемы является выбор арбитража, расположенного на территории Китая, являющегося одним из ключевых стратегических партнеров России.

В настоящее время только на материковом Китае создано более 250 арбитражных учреждений, четверть из которых может рассматривать трансграничные коммерческие споры. В связи с этим в статье предпринята попытка проанализировать основные особенности арбитражного законодательства Китая, включая отношение к арбитражу *ad hoc*, принятию обеспечительных мер, принципу «компетенции-компетенции» и др. Особое внимание уделено изменениям, внесенным в Закон КНР «Об арбитраже», вступившим в силу с 1 марта 2026 г. На основе анализа автор приходит к выводу о постепенном сближении Закона КНР с основными мировыми тенденциями развития арбитражного законодательства, что способствует повышению привлекательности данного способа разрешения споров в стране и превращению его в новый мировой центр арбитража.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, Китай, специальные административные районы Китая, реформа, арбитраж *ad hoc*, принцип «компетенции-компетенции», место арбитража, онлайн-арбитраж, публичный порядок, обеспечительные меры

Abstract. For a long time, Russian companies and their foreign counterparties have preferred to submit their disputes to arbitration institutions located in the EU and other jurisdictions (now regarded as unfriendly due to the imposition of unilateral economic sanctions against Russian entities). This has compelled parties to revise their preferences for arbitration institutions and place of arbitration. One of the most viable alternative solutions to this problem is to select an arbitration institution located in China, a key strategic partner of the Russian Federation.

Currently, there are over 250 arbitration institutions in Mainland China, with 1/4 of them equipped to handle cross-border commercial disputes. Thus, this article analyses the core features of Chinese arbitration legislation, including its stance on ad hoc arbitration, the availability of interim measures, and the competence-competence principle. Special attention is paid to the amendments to the PRC Arbitration Law, which entered into force on March 1, 2026.

Based on this analysis, the author concludes that the revised PRC Arbitration Law is gradually aligning with the core global trends in arbitration legislation development. This alignment is substantially increasing the attractiveness of arbitration as a dispute resolution method in China, and supports its emergence as a new global arbitration hub.

Keywords: international commercial arbitration, China, special administrative regions (SAR), reform, ad hoc arbitration, principle of kompetenz-kompetenz, place of arbitration, online-arbitration, public policy, interim measures

На протяжении долгого времени Китай является одним из наиболее значимых стратегических партнеров России, что выражается в укреплении сотрудничества указанных государств по различным направлениям. Как отмечается в Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху (2023 г.), «российско-китайские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия... достигли наивысшего уровня в своей истории и продолжают поступательно развиваться»¹. Особую значимость взаимодействие с Китаем приобрело в 2022 г., после введения односторонних экономических ограничений («санкций»), направленных против российских физических и юридических лиц, а также отдельных секторов российской экономики.

С углублением взаимодействия между указанными странами растет и количество споров, возникающих между контрагентами по трансграничным коммерческим контрактам, что требует поиска адекватных механизмов их разрешения. Наиболее эффективным таким механизмом традиционно считается международный коммерческий арбитраж (МКА), который активно развивается как в России, так и в Китае. При этом отсутствие подробной информации об арбитражном законодательстве Китая, подвергнувшемуся

существенному реформированию в 2025 г., и об отношении государственных судов к арбитражу препятствует росту популярности китайских арбитражных учреждений, способных стать альтернативой западным арбитражным учреждениям, расположенным на территории недружественных по отношению к России стран.

Важной особенностью Китая является его административное территориальное деление на материковый Китай, два специальных административных района (Гонконг и Макао) и Тайвань, правовые системы которых сформировались под влиянием разных правовых традиций². Особенности проявляются и в регулировании МКА, который в материковом Китае, Тайвани и указанных районах подчиняется разным нормативным правовым актам.

В материковом Китае основным нормативным правовым актом, действующим в сфере МКА, является Закон КНР «Об арбитраже», последняя редакция которого вступила в силу с 1 марта 2026 г.³ Внесенные изменения ознакомили первую серьезную реформу действующего с 1995 г. арбитражного законодательства, направленную на повышение привлекательности МКА в Китае⁴ и превращение его в новый мировой центр арбитража⁵.

В отличие от других стран БРИКС, включая Россию, в Китае Закон «Об арбитраже» не основан на положениях Типового закона ЮНСИТРАЛ

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 06.03.2026).

² Цзэнцзюнь К. Международный коммерческий арбитраж в Китае (материковый Китай, Гонконг, Макао и Тайвань) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 16 ; Русакова Е. П. Международный коммерческий арбитраж в Китае // Вестник РУДН. Серия : Юридические науки. 2012. № 4. С. 159 ; Шень Цзунлин. Исследование о сравнительном праве. Пекин, 1998. С. 420.

³ 中华人民共和国主席令 (第五十四号) 《中华人民共和国仲裁法》已由中华人民共和国第十四届全国人民代表大会常务委员会第十七次会议于2025年9月12日修订通过, 现予公布, 自2026年3月1日起施行。// URL: <https://policy.mofcom.gov.cn/claw/clawContent.shtml?id=103718> (дата обращения: 02.03.2026).

⁴ A New Era for Chinese Arbitration: the 2025 PRC Arbitration Law // URL: <https://www.charlesrussellspeechlys.com/en/insights/expert-insights/dispute-resolution/2025/a-new-era-for-chinese-arbitration-the-2025-prc-arbitration-law/> (дата обращения: 05.03.2026).

⁵ XIV Петербургский международный юридический форум. Молодежный форум. Международный коммерческий арбитраж и арбитражная реформа в Китае // URL: https://legalforum.info/programme/youth-forum/7882/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.ru%2f (дата обращения: 05.03.2026).

«О международном торговом арбитраже» 1985 г.⁶ (далее — Типовой закон), хотя при его подготовке разработчики стремились учесть международные стандарты регулирования МКА, включая положения данного Типового закона.

Основные отличия Закона КНР «Об арбитраже» от Типового закона следующие⁷:

1) закрепление в Законе КНР категорий споров, которые относятся к числу неарбитрабельных: а) споры, касающиеся брака, усыновления, опеки, попечительства и наследования; б) споры из административных отношений, которые относятся к исключительной юрисдикции государственных судов. Важное положение содержит статья 61 Закона КНР, согласно которой арбитраж откажет в принятии иска к рассмотрению, если обнаружит, что одна из сторон использует арбитраж для нарушения национальных интересов, социальных общественных интересов или законных прав и интересов третьих лиц;

2) возможность вынесения решения о принятии обеспечительных мер. В отличие от Типового закона ЮНСИТРАЛ, Закон КНР 2025 г. по-прежнему не наделяет арбитров правом выносить решения о принятии обеспечительных мер⁸. Соответственно, поданные в китайский арбитраж ходатайства о принятии обеспечительных мер должны быть переданы в государственный суд, который вправе принять обязательные для исполнения распоряжения о применении таких мер. При этом в исключительных случаях стороны спора могут обращаться с таким ходатайством напрямую в суд еще до начала арбитражного разбирательства (ст. 39 Закона).

В русле данной тенденции в мае 2025 г. Шанхайский международный коммерческий суд (SHICC) вынес постановление в поддержку запроса о принятии обеспечительных мер, подан-

ного Шанхайским международным арбитражным учреждением (SHIAC)⁹. Данный случай стал первым, когда китайский суд оказал содействие арбитражу в сборе доказательств, приняв постановление о проведении необходимого расследования;

3) осуществление контроля за арбитражными учреждениями Китая со стороны китайской арбитражной ассоциации, представляющей собой общественную организацию, действующую в качестве юридического лица, объединяющего арбитражные учреждения;

4) возможность проведения повторного арбитражного разбирательства по решению народного суда КНР (англ. remission¹⁰), рассматривающего заявление об отмене вынесенного арбитражем решения ввиду того, что: а) решение основано на фальсифицированных доказательствах; б) другая сторона спора скрыла доказательства, что привело к вынесению несправедливого решения (ст. 21 Разъяснения Верховного народного суда КНР¹¹ (ВНС КНР)). В таком случае суд приостанавливает процедуру отмены решения и направляет дело на повторное рассмотрение в арбитраж;

5) отношение к арбитражу ad hoc: в отличие от Типового закона, Закон КНР устанавливает общий запрет арбитража ad hoc¹². Так, согласно Разъяснению ВНС КНР «О некоторых вопросах применения Закона КНР «Об арбитраже»»¹³, «арбитражное соглашение, в котором отсутствует указание на арбитражное учреждение, является недействительным».

Такое отношение к арбитражу ad hoc в стране сформировалось под влиянием административного мышления, свойственного эпохе плановой экономики, когда законодатели не верили в способность участников рынка к саморегулированию и полагали, что «арбитраж должен быть подкреплен надежной системой рыночного обеспечения,

⁶ Данилевич А. С., Кучма Т. П. Международный коммерческий арбитраж в Китае // Промышленно-торговое право. 2008. № 1. С. 77.

⁷ International Arbitration 2025 Comparisons. China // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/comparison/912/16863-16850-16874/26567-26572-26575-26580-26586-26593-26597-26602-26606-26608-26612-26616-26620-26573-26574-26576-26577-26578-26568-26570> (дата обращения: 05.03.2026).

⁸ China's New Arbitration Law 2025: Overview of Key Changes // URL: <https://www.acerislaw.com/chinas-new-arbitration-law-2025-overview-of-key-changes/> (дата обращения: 05.03.2026).

⁹ China's Shanghai Court Issues First Investigation Order to Support International Arbitration // URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/chinas-shanghai-court-issues-first-investigation-order-to-support-international-arbitration> (дата обращения: 05.03.2026).

¹⁰ Русакова Е. И., Зайцев В. В. Сравнительно-правовое исследование ремиссии в арбитраже // Legal Concept. 2021. № 4. С. 48.

¹¹ Interpretation of the Supreme People's Court concerning Some Issues on the Application of the Arbitration Law of the People's Republic of China // URL: <https://cicc.court.gov.cn/html/1/219/199/201/672.html> (дата обращения: 04.03.2026).

¹² Янь Ч. Политическая и правовая основы арбитража ad hoc в Китае // Юридическая наука. 2022. № 5. С. 162.

¹³ Разъяснение Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах применения Закона КНР «Об арбитраже»» // URL: https://chinalawinfo.ru/other/interpretation_law_arbitration (дата обращения: 05.03.2026).

которой КНР в тот момент не обладал»¹⁴. В этой связи предпочтение было отдано институциональному арбитражу, способному гарантировать беспристрастность разрешения спора и избежать риска выхода арбитражного разбирательства из-под контроля¹⁵.

Несмотря на то что в указанный период арбитраж ad hoc был запрещен законодательством, ученые и практики говорили о необходимости разрешить арбитраж ad hoc¹⁶.

Первый шаг в данном направлении был сделан ВНС КНР в связи с созданием пилотных зон свободной торговли (ЗСТ) в стране. Так, в Разъяснении «О предоставлении судебных гарантий для создания пилотных зон свободной торговли»¹⁷ ВНС КНР разрешил передавать споры между субъектами, зарегистрированными в таких зонах, в арбитраж ad hoc. Необходимым условием для этого является согласование сторонами спора места проведения разбирательства, арбитров и применимого арбитражного регламента¹⁸. Аналогичная позиция отражена в разъяснениях ВНС КНР «О дальнейшем предоставлении народными судами КНР судебных услуг в рамках строительства “Пояса и пути”»¹⁹ и «О дальнейшем предоставлении народными судами КНР судебных услуг и гарантий для строительства нового района Линган пилотной зоны свободной торговли Китая (Шанхай)»²⁰.

Первым регламентом арбитража ad hoc, принятым на основании указанных документов, стал Регламент для ЗСТ Хэнцзинь²¹. С тех пор практика проведения арбитража ad hoc в таких зонах

продолжает расширяться. Так, в 2023 г. Административным комитетом ЗСТ Сямэнь (провинция Фуцзянь) было опубликовано Практическое руководство по проведению арбитража ad hoc в соответствующей свободной зоне²². Особое внимание в указанном Руководстве уделено инициированию арбитражного разбирательства по Регламенту ad hoc Китайской ассоциации морского права, формированию состава арбитража, отводу арбитров и иным процедурным вопросам.

В русле указанной тенденции в 2024 г. Хайнаньской арбитражной ассоциацией был принят Регламент для арбитража ad hoc²³, который применяется: а) к спорам между предприятиями, зарегистрированными в указанном порту, с одной стороны, и предприятиями из иностранных государств, Гонконга, Тайваня или Макао, с другой стороны; а также б) в случае, когда предприятия из иностранных государств, Гонконга, Макао или Тайваня достигли соглашения об арбитраже ad hoc в указанном порту. Согласно данному Регламенту, при составлении арбитражного соглашения стороны могут выбрать язык и место проведения арбитража. При отсутствии такого указания разбирательство будет проводиться на китайском языке на территории свободного порта Хайнань. Арбитражные расходы зависят от арбитров и могут быть скорректированы назначающим органом, при этом они должны быть разумными, с учетом суммы спора, его сложности, времени, затраченного арбитрами, и иных существенных обстоятельств дела²⁴.

¹⁴ Ду Тао, Чжао Чэньтин. Арбитраж ad hoc в Китае: эволюция, правовые дилеммы и перспективы развития // Вестник РУДН. Серия : Юридические науки. 2025. Т. 29. № 3. С. 716 ; Liu M. A Call for Prudent Implementation of Ad Hoc Arbitration // Beijing Arbitration Quarterly. 2005. Vol. 1. P. 8–12.

¹⁵ Ду Тао, Чжао Чэньтин. Указ. соч. С. 717.

¹⁶ Huang S. On the Importance of establishing ad hoc arbitration system in China // Lanzhou Academic Journal. 2012. Vol. 1. P. 201–203.

¹⁷ 法发〔2016〕34号 最高人民法院 关于为自由贸易试验区建设提供司法保障的意见 // URL: <https://cicc.court.gov.cn/html/1/218/62/409/410.html> (дата обращения: 04.03.2026).

¹⁸ Jin L. D. China. Commercial Arbitration. 2017 // URL: <https://globalarbitrationreview.com/jurisdiction/1000181/china> (дата обращения: 04.03.2026).

¹⁹ Opinions of the Supreme People's Court on Further Providing Judicial Services and Guarantees by the People's Courts for the Belt and Road Initiative // URL: https://english.court.gov.cn/2021-10/23/c_761783.htm (дата обращения: 04.03.2026).

²⁰ Opinions of the Supreme People's Court on Provision Regarding the Judicial Services and Guarantees Provided by the People's Courts for the Construction of China (Shanghai) Pilot Free Trade Zone Lin-Gang Special Area // URL: <https://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=31976&lib=law&searchkeyword=&searchckeyword=> (дата обращения: 04.03.2026).

²¹ Чжэ Янь. Арбитраж ad hoc в Китае и в России // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 5А. С. 124–135.

²² 全国首创! 《中国(福建)自由贸易试验区临时仲裁指南》在厦门发布 // URL: https://swt.fujian.gov.cn/xxgk/jgzn/jgcs/zmsyq/zmzhc_tpxw/202309/t20230904_6248787.htm (дата обращения: 04.03.2026).

²³ Hainan Free Trade Port Ad Hoc Arbitration Rules. Adopted at the Second Session of the First Council of Hainan Arbitration Association (HNAA) on June 5, 2024 // URL: <https://www.acerislaw.com/wp-content/uploads/2024/09/en.ftp-hnaa-com-hainan-free-trade-port-ad-hoc-arbitration-rules.pdf> (дата обращения: 04.03.2026).

²⁴ International Arbitration in Hainan // URL: https://www.acerislaw.com/international-arbitration-in-hainan/#_ftnref2 (дата обращения: 03.03.2026).

Следующий шаг в признании возможности проведения арбитража *ad hoc* в Китае был сделан в 2025 г. с внесением изменений в Закон «Об арбитраже». Так, статья 82 Закона закрепила возможность рассмотрения в арбитраже *ad hoc* трансграничных морских споров и трансграничных споров, в которых участвуют предприятия, расположенные в ЗСТ. Следует, однако, отметить сохранение государственного контроля за таким арбитражем, что проявляется в установлении обязанности состава арбитража *ad hoc* в течение трех рабочих дней с момента своего формирования уведомить арбитражную ассоциацию о наименовании сторон спора, месте проведения арбитража, его составе и применимом арбитражном регламенте. Таким образом, несмотря на внесенные изменения, большая часть споров по-прежнему может рассматриваться исключительно в институциональном арбитраже.

Наряду с этим наиболее значимыми изменениями Закона 2025 г. стали²⁵:

1) сохранение концепции отделимости (*severability*) арбитражного соглашения, в соответствии с которой его действительность и исполнимость не зависят от действительности основного договора, в тексте которого оно содержится. Конкретизируя указанное положение, статья 30 Закона КНР указывает, что «любой спор относительно наличия, изменения, действительности, расторжения основного договора не оказывает влияния на действительность и исполнимость арбитражного соглашения»;

2) частичное внедрение принципа «компетенции-компетенции» (*kompetenz-kompetenz*), предполагающего предоставление составу арбитража и арбитражным учреждениям права выносить решение о действительности арбитражного соглашения и признании своей компетенции по разрешению спора. Вместе с тем стороны споров сохранили право обратиться с соответствующим ходатайством в государственный суд. При этом в случае параллельного обращения с таким ходатайством в арбитраж и в государственный суд решение будет приниматься судом. Соответственно, несмотря на положения Закона 2025 г., вопрос о компетенции по-прежнему может быть выведен из-под контроля арбитражного учреждения, что, как справедливо отмечает Янь Чжэ, создает предпосылки для вмешательства государственных

судов в арбитражное разбирательство и может подорвать его независимость²⁶;

3) закрепление понятия «место арбитража», которое может отличаться от места проведения слушания. Согласно ст. 81 Закона 2025 г., «стороны могут в письменной форме договориться о месте арбитража, которое будет служить основой для определения применимого права и определения судов, которые будут осуществлять функции содействия и контроля в отношении арбитражного разбирательства». При отсутствии такой договоренности оно будет определяться в соответствии с применимым арбитражным регламентом, а при отсутствии такого указания в регламенте — составом арбитража исходя из соображений удобства²⁷. Таким образом, данная статья Закона была приведена в соответствие со ст. 20 Типового закона ЮНСИТРАЛ;

4) закрепление возможности передавать на разрешение арбитража инвестиционные и спортивные споры. Несмотря на то что указанное положение является новеллой Закона КНР, ведущее институциональное арбитражное учреждение страны — CIETAC — приняло Правила арбитража споров из инвестиционных договоров еще в 2017 г.²⁸;

5) законодательное закрепление возможности проведения арбитражного разбирательства с использованием цифровых технологий (кроме случаев, когда стороны спора прямо исключили такую возможность). Это означает, что онлайн-слушания, подача документов в электронной форме и иные онлайн-процедуры приравниваются к их офлайн-аналогам;

6) закрепление существующей на практике позиции, согласно которой сторона, желающая оспорить арбитражное соглашение, должна сделать это до первого заседания по делу. При отсутствии таких возражений сторона будет считаться отказавшейся от своего права на возражение (аналогичное положение содержится в законодательстве РФ и ряда других стран). Как отмечают эксперты, именно данная новелла является одной из наиболее ожидаемых, поскольку она позволит сократить число поздних тактических возражений, направленных на подрыв возможности принудительного исполнения решений арбитража²⁹;

7) установление обязанности арбитров сообщать о любых обстоятельствах, которые могут

²⁵ Всего указанный Закон вносит изменения в 99 статей и дополняет его 19 новыми статьями.

²⁶ Янь Ч. Тенденции развития международного коммерческого арбитража в Российской Федерации и Китайской Народной Республике (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2026. С. 85.

²⁷ China's New Arbitration Law 2025: Overview of Key Changes // URL: <https://www.acerislaw.com/chinas-new-arbitration-law-2025-overview-of-key-changes/> (дата обращения: 04.03.2026).

²⁸ A New Era for Chinese Arbitration: the 2025 PRC Arbitration Law // URL: <https://www.charlesrussellspeechlys.com/en/insights/expert-insights/dispute-resolution/2025/a-new-era-for-chinese-arbitration-the-2025-prc-arbitration-law/> (дата обращения: 02.03.2026).

²⁹ A New Era for Chinese Arbitration: the 2025 PRC Arbitration Law.

вызвать обоснованные сомнения в их беспристрастности и независимости, что соответствует положениям ст. 12 Типового закона и Руководящим принципам ИВА относительно конфликта интересов в международном арбитраже 2024 г. Указанная обязанность по раскрытию соответствующей информации дополняет четыре ранее предусмотренных Законом КНР основания для отвода арбитра: а) арбитр является одной из сторон спора или ее представителем либо иным образом связан с одной из сторон спора; б) наличие у арбитра личной заинтересованности в исходе спора; в) наличие у арбитра иных отношений с одной из сторон спора или ее представителем; г) встреча арбитра с представителем одной из сторон спора в частном порядке или получение им подарков либо знаков внимания от такого представителя.

В соответствии со ст. 50 Закона КНР «Об арбитраже», принятие арбитром назначения при наличии одного из перечисленных выше оснований для отвода влечет наступление для него личной ответственности вплоть до исключения из списка арбитров соответствующего арбитражного учреждения. Например, согласно Регламенту CIETAC³⁰, данное арбитражное учреждение может направлять арбитрам предупреждения, снижать размер выплачиваемого им вознаграждения и применять иные дисциплинарные меры в отношении арбитров, которые затягивают разбирательство или не сообщают о конфликте интересов;

8) закрепление в Законе КНР возможности назначать в качестве арбитров не только юристов, но и иных лиц с высоким профессиональным статусом, работающих в сфере экономики, торговли, мореплавания, науки и техники (ст. 22 Закона), как из Китая, так и из иностранных государств;

9) сокращение сроков для подачи ходатайства об отмене вынесенного арбитражем решения до трех месяцев (вместо шести) с момента его получения, что соответствует положениям п. 3 ст. 34 Типового закона и обеспечивает окончательность решения, побуждая сторону, у которой есть законные основания для его оспаривания, действовать быстрее;

10) предоставление иностранным арбитражным учреждениям возможности открывать свои представительства и вести деятельность по администрированию споров в ЗСТ, Хайнаньском свободном порту и других районах, одобренных Государственным советом Китая. Соответствующие представительства в Шанхае имеют, например, Международный арбитражный суд Международной торговой палаты (Суд ICC) и Сингапурский международный арбитражный центр (SIAC)³¹.

Важную роль в регулировании МКА на территории материкового Китая играет также Гражданский процессуальный кодекс КНР, устанавливающий особенности принятия обеспечительных мер в поддержку арбитража, признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений, а также их отмены³². Следует также отметить, что Китай является участником Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., применение которой осуществляется с учетом положений Разъяснения ВНС КНР «О присоединении КНР к Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.», содержащего «руководящие начала», предназначенные для народных судов КНР, при решении вопросов, связанных с признанием и исполнением решений на территории Китая³³. При этом разграничение внутренних и иностранных арбитражных решений проводится на основе места проведения арбитража³⁴.

Как и в других странах БРИКС, в Китае вынесенные арбитражем решения считаются окончательными и обязательными для исполнения и по общему правилу не могут быть пересмотрены по существу. Перед их исполнением иностранные арбитражные решения должны быть признаны китайскими судами, которые рассматривают соответствующие ходатайства на основе международных договоров либо на основе принципа взаимности.

Согласно ГПК КНР к числу оснований для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений относятся:

³⁰ China International Economic and Trade Arbitration Commission (CIETAC) Arbitration Rules (Revised and Adopted by the China Council for the Promotion of International Trade / China Chamber of International Commerce on September 2, 2023. Effective as of January 1, 2024) // URL: <https://www.cietac.org/en/articles/32216> (дата обращения: 04.03.2026).

³¹ SIAC opens Shanghai office // URL: <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/8-622-3241?transitiontype=default&contextdata={sc.default}&firstpage=true> (дата обращения: 04.03.2026).

³² *Pisacane G., Murphy L., Zhang C. Arbitration in China. Rules & Perspectives. China Law, Tax and Accounting. Springer Singapore, 2016. P. 21.*

³³ *Русакова Е. П. Международный коммерческий арбитраж в Китае // Вестник РУДН. Серия : Юридические науки. 2012. № 4. С. 161.*

³⁴ До недавнего времени китайские суды определяли национальность арбитражного решения, исходя из юрисдикции арбитражного учреждения, вынесшего такое решение. Например, арбитражное решение Суда ICC, вынесенное в Китае, будет считаться французским, а его признание и приведение в исполнение должны осуществляться в соответствии с Нью-Йоркской конвенцией 1958 г.

а) отсутствие арбитражного соглашения или несоблюдение требований к его форме; б) выход арбитров за пределы арбитражного соглашения или отсутствие у арбитражного учреждения компетенции по рассмотрению спора; в) несоответствие состава арбитража или процедуры разрешения спора применимому закону; г) фальсификация доказательств, на которых основано соответствующее решение; д) сокрытие другой стороной спора доказательств, которые могут повлиять на вынесение решения; е) взяточничество, коррупция, предвзятость арбитра или вынесение им неправомерного решения; ж) противоречие публичному порядку. При этом ВНС КНР придерживается консервативного подхода к определению понятия публичного порядка, констатируя его нарушение только в исключительных случаях (например, когда решение противоречит фундаментальным принципам китайского законодательства, подрывает национальный суверенитет или ставит под угрозу общественную безопасность или нравственность). Так, согласно Отчету о судебном рассмотрении арбитражных решений по коммерческим делам за 2023 г., опубликованному ВНС КНР в 2024 г., в 2023 г. китайские суды отклонили лишь три ходатайства о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений³⁵.

Важно также учитывать, что в соответствии с Положением ВНС КНР «Об уведомлении и проверке решений арбитража судами», принятым в 2017 г., при наличии оснований для отказа в признании и исполнении вынесенного арбитражем решения (как внутреннего, так и иностранного)³⁶ народный суд промежуточной инстанции уведомляет об этом вышестоящий суд, который, в

свою очередь, направляет уведомление ВНС КНР. Таким образом, в конечном итоге именно Верховный суд КНР решает вопрос о возможности отказа в принудительном исполнении арбитражного решения.

Арбитражное законодательство Гонконга³⁷ и Макао, в отличие от законодательства материкового Китая, основано на Типовом законе ЮНСИТРАЛ³⁸. При этом важной особенностью Макао является отсутствие на его территории институционального арбитражного учреждения, рассматривающего трансграничные коммерческие споры³⁹. Как следствие, основным видом МКА, применяемым на данной территории, является арбитраж *ad hoc*.

Признание и приведение в исполнение решений, вынесенных на территории материкового Китая и Гонконга, в Макао осуществляется на основе соглашений о взаимном исполнении арбитражных решений между Макао и материковым Китаем, а также между Гонконгом и Макао⁴⁰ соответственно. Кроме того, начиная с 2005 г. Макао является участником Нью-Йоркской конвенции 1958 г., что позволяет исполнять на этой территории решения, вынесенные в иностранных государствах⁴¹.

Аналогичным образом исполнение в Гонконге решений арбитража, вынесенных на территории материкового Китая, осуществляется на основе Соглашения о взаимном исполнении арбитражных решений 1999 г.⁴², а также Дополнительного соглашения к нему 2020 г.⁴³

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что в настоящее время наблюдается тенденция к сближению законодательства материкового Китая с положениями Типового закона ЮНСИТРАЛ

³⁵ Liu T. Y., Yuan S. X., Li C. W. International Arbitration 2025. Law and Practice. China // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/comparison/912/16850/26567-26572-26575-26580-26586-26593-26597-26602-26606-26608-26612-26616-26620> [дата обращения: 04.03.2026].

³⁶ Русакова Е. П. Тенденции реформирования арбитражной процедуры в Китае // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5. С. 304.

³⁷ Cap. 609 Arbitration Ordinance // URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap609> [дата обращения: 03.03.2026].

³⁸ Статус текстов. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (1985 г.) с изменениями, принятыми в 2006 г. // URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/modellaw/commercial_arbitration/status [дата обращения: 03.03.2026].

³⁹ Цзэнцзюнь К. Международный коммерческий арбитраж в Китае (материковый Китай, Гонконг, Макао и Тайвань) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 20.

⁴⁰ Arrangement Concerning Reciprocal Recognition and Enforcement of Arbitral Awards Between the Hong Kong Special Administrative Region and the Macao Special Administrative Region // URL: https://www.doj.gov.hk/en/mainland_and_macao/pdf/macaoe.pdf [дата обращения: 03.03.2026].

⁴¹ Macao Arbitration Law // URL: <https://www.debevoise.com/insights/publications/2020/04/macau-arbitration-law> [дата обращения: 03.03.2026].

⁴² Arrangement Concerning Mutual Enforcement of Arbitral Awards between the Mainland and the Hong Kong Special Administrative Region // URL: https://www.doj.gov.hk/en/legal_dispute/pdf/mainlandmutual2e.pdf [дата обращения: 03.03.2026].

⁴³ Supplemental Arrangement Concerning Mutual Enforcement of Arbitral Awards between the Mainland and the Hong Kong Special Administrative Region // URL: https://www.doj.gov.hk/en/mainland_and_macao/pdf/supplemental_arrangementr_e.pdf [дата обращения: 03.03.2026].

«О международном торговом арбитраже». В частности, Закон КНР «Об арбитраже» (в ред. 2025 г.) во многом учитывает международные стандарты развития МКА в части признания принципа «компетенции-компетенции», закрепления концепции отделимости арбитражного соглашения, закрепления понятия «место арбитража» и т.д., что положительно скажется на популярности китайских арбитражных учреждений и выбора Китая в качестве места арбитража.

Несмотря на положительную оценку внесенных изменений, не все проблемы, существующие в арбитражном законодательстве материкового Китая, были ими разрешены. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере (в частности, по таким направлениям, как предоставление арбитражу возможности принимать обеспечительные меры и расширение категорий споров, которые могут передаваться на разрешение в арбитраж *ad hoc*).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Данилевич А. С., Кучма Т. П. Международный коммерческий арбитраж в Китае // Промышленно-торговое право. — 2008. — № 1. — URL: https://scholar.google.ru/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=3eggvuuaaaaj&cstart=20&pagesize=80&citation_for_view=3eggvuuaaaaj:j3f4tgmqtd8c (дата обращения: 04.03.2026).
2. Ду Тао, Чжао Чэньтин. Арбитраж *ad hoc* в Китае: эволюция, правовые дилеммы и перспективы развития // Вестник РУДН. Серия : Юридические науки. — 2025. — Т. 29. — № 3. — С. 713—732.
3. Русакова Е. П. Международный коммерческий арбитраж в Китае // Вестник РУДН. Серия : Юридические науки. — 2012. — № 4. — С. 159—164.
4. Русакова Е. П. Тенденции реформирования арбитражной процедуры в Китае // Проблемы экономики и юридической практики. — 2018. — № 5. — С. 303—305.
5. Русакова Е. И., Зайцев В. В. Сравнительно-правовое исследование ремиссии в арбитраже // Legal Concept. — 2021. — № 4. — С. 47—57.
6. Цзэнцзюнь К. Международный коммерческий арбитраж в Китае (материковый Китай, Гонконг, Макао и Тайвань) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
7. Шень Цзунлин. Исследование о сравнительном праве. — Пекин, 1998.
8. Янь Ч. Арбитраж *ad hoc* в Китае и в России // Вопросы российского и международного права. — 2022. — Т. 12. — № 5А. — С. 124—135.
9. Янь Ч. Политическая и правовая основы арбитража *ad hoc* в Китае // Юридическая наука. — 2022. — № 5. — С. 161—166.
10. Янь Ч. Тенденции развития международного коммерческого арбитража в Российской Федерации и Китайской Народной Республике (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2026.
11. Huang S. On the Importance of establishing *ad hoc* arbitration system in China // Lanzhou Academic Journal. — 2012. — Vol. 1. — P. 201—203.
12. Liu M. A Call for Prudent Implementation of *Ad Hoc* Arbitration // Beijing Arbitration Quarterly. — 2005. — Vol. 1. — P. 8—12.
13. Pisacane G., Murphy L., Zhang C. Arbitration in China. Rules & Perspectives. China Law, Tax and Accounting. — Springer Singapore, 2016. — 222 p.

При использовании опубликованных в ежеквартальнике материалов
ссылка на «Юридическую науку в Китае и России» обязательна.
Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Юридическая наука в Китае и России
Ежеквартальник
№ 1/2026

Периодическое печатное издание, журнал.
Издается с 2017 года, выходит 4 раза в год.

Учредитель:
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Издатель:
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций:

ПИ № ФС 77-66562 от 21.07.2016.

Основные языки журнала: русский, китайский, английский.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2026

Входит в электронную библиотеку EBSCO.

Адрес редакции: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
Тел.: (499) 244-88-88 (доб. 687).

Редактор *Л. А. Мункуева*
Корректор *В. А. Целищева*
Компьютерная верстка *Д. А. Беляков*

Объем: 20,00 усл. печ. л., формат 60×84/8. Подписано в печать 22.06.2026
Гарнитура «Charter». Печать цифровая.
Бумага офсетная. Тираж 200 экз.

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

